

Андрей Дмитриевич Константинов
Развал/схождение
Серия «Решальщики», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10334388

*Решальщики. Книга четвертая. Развал/схождение / Андрей Константинов: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083661-1*

Аннотация

«Решальщики» продолжают изящно и творчески распутывать самые сложные интриги. Однако история учит, что любой творческий союз в перспективе обречен на распад. А уж когда в крепкую мужскую дружбу вмешивается женщина, ситуация принимает абсолютно непредсказуемый характер. Сумеют ли решальщики сохранить профессиональный тандем и спасти своего босса от уголовного преследования? По силам ли бывшим ментам противостоять Сильным Мира Сего?

Читайте заключительную книгу из тетралогии Андрея Константинова «Решальщики».

Содержание

История седьмая,	5
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Константинов

Развал/схождение

© А. Константинов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

История седьмая,

повествующая о нетривиальных методах борьбы с клептоманией, о членстве в Клубе первых жён, а также убедительно доказывающая, что в нашей жизни мистическое чаще всего идет об руку с прозаическим

- ...Базовая! Это зал. Девятый на связи!
- Слушаю, девятый.
- У нас в гостях «миссис Ключевия». Как поняли?
- Понял тебя. Какой сектор?
- Сектор «С». Молочные товары.
- Принято. Молочные товары.

Дежурный оператор пульта мониторинга зала пощелкал рычажками и вывел на основную телепанель увеличенную картинку сектора «С».

В этот утренний час в сетевом универсаме «Всячина» народу было немного, так что опознать бредущую вдоль полок выдающуюся (во всех смыслах) фигуру госпожи Нарышкиной особого труда не составило. Дежурный выставил фокус на максимальный зум и через пару секунд вполне отчетливо разглядел, как Елена Ивановна кладет в тележку пакет молока, а затем, воровато озираясь, подмахивает два глазированных сырка и прячет их в карман плаща.

- Девятый! Это базовая! «Миссис Ключевия» прикарманила два сырка.
- Понял, поднялась на два сырка. Похоже, направляется к кассам... Что-то негусто сегодня.

Изображение Нарышкиной исчезло было с телеэкрана, но дежурный переключил «телевизоры», и пошаговая жизнь наблюдаемого объекта вернулась в режим пошаговой визуальной доступности.

Елена Ивановна и в самом деле прошла к кассам и пристроилась к хвостику длиною из двух человек. Неуклюже делая вид, что изучает прессу на стойках, она, не без ловкости, подрезала из фирменной шоколадной горки «сникерс», который составил компанию сыркам.

- Базовая! Это девятый. Мне показалось, что сейчас было движение.
- Тебе не показалось. Есть шоколадка. Левый карман.
- Понял вас, базовая. Наши действия?
- Шас, погоди... – Дежурный набрал три цифры на служебном телефоне. – Игорь Алексеевич? Дежурный пульта Малахов. На кассе «миссис Ключевия». Да... Взяла два сырка и шоколадку... Что?.. Согласен, меньше вони будет... – Дежурный положил трубку и снова схватился за рацию:
- Девятый! Базовая.
- На приеме, базовая.
- Распоряжение старшего – «Ключевию» пропустить.
- Понял. Пропустить...

Дежурный откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и с выражением безразличного презрения принялся наблюдать за тем, как супруга заместителя главы одного из ключевых комитетов Смольного оплачивает покупки и, минуя временно отключенную рамку, с торжествующим видом выкатывается на улицу.

Через пару минут Елена Ивановна не без потуги втиснулась на водительское сидение серебристой «хонды» (подарок мужа на двадцатилетие совместных мучений) и только теперь заметила, что на лобовом стекле под левым «дворником» нарисовался инородный, полиграфического происхождения, предмет.

Костеря почем зря назойливых спамеров, от которых ныне проходу нет, госпожа Нарышкина выбралась из салона и раздраженно потянулась к мусорной рекламе. Вот только на поверку та оказалась не скидочной листовкой и даже не зазывным предложением интим-услуг – в руке у Елены Ивановны очутились три необычные игральные карты, соединенные скрепкой степлера наподобие миниатюрного веера.

Эта в сущности ерундовина отчего-то заставила «миссис Ключевую» вздрогнуть всем своим XXLвским размером, «сблестеть с лица» и задрожавшими, густо оперстнёнными пальцами потянуться за мобильным телефоном:

– Оля?! Это Елена Ивановна!.. Опять! Опять началось! На том же самом месте!.. Что?.. Нет, на этот раз какие-то карты, три штуки. Нет, не похожи на игральные... Может быть... О, Господи! Я не знаю!.. Нарисовано? Сейчас... Меч как туз. Еще мечи – девять сразу. И еще... здесь уже десять... Где посмотришь? Хорошо. Жду...

Госпожа Нарышкина сбросила звонок и принялась нервно расхаживать взад-вперед, сминая в кулачке напугавший ее сувенир.

Ответный звонок прозвучал минут через пять.

К тому моменту Елена Ивановна уже накрутила себя настолько, что умудрилась запутаться в кнопках родного телефона и ответила лишь после дюжины однообразных птичьих-руладных вызовов:

– Да, Оля. Слушаю... Где? Какой сайт?.. И что там написано?.. Да-да: туз, девятка и десятка... Ну?.. Господи! Да говори же скорей!.. ЧТО?..

В химически-завитой голове «миссис Ключевой» всё поплыло. Ноги ее мгновенно сделались ватными и перестали удерживать грузное тело. Ища точку опоры, супруга вип-чиновника прислонилась к машине и в близком к полубморочному состоянии сползла на асфальт.

– Врача! Скорей! Здесь даме плохо! – завопила охраннику на входе случайно оказавшаяся поблизости сердобольная женщина и обеспокоенно склонилась над уходящей в бессознанию Еленой Ивановной.

В этот момент порыв холодного октябрьского ветра подхватил выпущенные из ослабшей влажной ладони три скрепленные карты и понес их по асфальту парковки.

«Туз». «Девятка». «Десятка».

Не просто перебор. А перебор – с не слабой горочкой...

Глава первая

Санкт-Петербург, 2011, 20 октября, чт.

Федор Николаевич умирал.

Нет, это не было вопросом ближайших нескольких дней или, бог даст, недель. Тем не менее это все равно должно было случиться в обозримом будущем. В том самом, которое очень не хочется *обозревать*.

Федор Николаевич умирал и знал это. Хотя и Лощилин, и трижды приводимый Ольгой целитель с физиономией хитрована дежурно и безыскусно пытались уверить его в обратном. Дескать, самая страшная фаза миновала, и теперь на горизонте якобы забрезжили шансы не просто вынырнуть из недуга, но и удержаться на поверхности жизни.

Угасающим разумом Федор Николаевич понимал, что подобные фальшиво-оптимистичные реплики произносятся из лучших побуждений. Однако душой таковую ложь во спасение не принимал. Ибо не спасала она его: ни от болей – мучительных, нестерпимых, ни от мыслей о смерти – скорой, неминуемой.

С каждым днем Федор Николаевич все хуже видел и слышал. А когда пытался что-то произнести, запекшиеся губы отказывались шевелиться и через слово выдавали хриплый противный свист. В положении полусидя отныне он способен был проводить не более десяти минут, после чего снова в бессилии валился на подушки...

«Скорей бы пришла Ольга! – единственная слабая надежда теплилась сейчас в мозгу Федора Николаевича. – Отчего ее так долго нет? Неужели... неужели она не смогла достать таблетки? Нет-нет, не может быть! Только не это!»

Таблетки... Эти маленькие, красного цвета капсулки, похожие на спрессованные, затвердевшие капельки крови, – единственное, что теперь по-настоящему способно было радовать Федора Николаевича. Если в нынешнем его состоянии производная от «радости» вообще контекстно-уместна. С этими волшебными таблетками не могло сравниться ничто – даже любовь Ольги, которая все эти последние месяцы, неся свой крест и мужественно закусив такие родные и такие отчаянно-желанные губки, столь же отчаянно билась за его жизнь.

Ольга... Закатный лучик солнца, подаренный ему в конце пути. А вернее сказать – в самом его начале. Аккурат перед заходом в пресловутый тоннель бесконечности, из которого еще никто никогда не возвращался.

Воспоминание об Ольге заставило Федора Николаевича болезненно повернуть шею и скосить глаза на прикроватную тумбочку. Где, помимо бесчисленных медицинских причиндалов, стояла тарелка с едой, к которой он ни разу не притронулся, и лежала трубка домашнего радиотелефона. Менее чем через час должна была начаться финальная стадия переговоров со шведами. Если сделка состоится на тех условиях, которые разработал и выставил он, то за более-менее обеспеченное будущее Ольги можно быть спокойным. Да-да, именно «будущее». То самое, в котором персонального столика для Федора Николаевича не зарезервировано...

«Нужно позвонить в офис и еще раз (в который по счету?) все обговорить. Так, чтобы у них от зубов отлетало. Чтоб в последний момент не накосячили, не пошли на поводу у скандинавов», – подумалось Федору Николаевичу.

Стиснув зубы, выпростал из-под одеяла онемевшую левую руку и потянулся за телефоном.

* * *

– Владислав Антонович! Ну что вы таращите на меня глаза, как заяц на ночной автобус? Я вам русским языком объяснил, что свою визу на договор в таком виде не поставлю! – Доселе пытавшийся как-то сдерживаться инспектор Петрухин более не скрывал своего раздражения. – Я понимаю, что в последнее время вы постоянно болтаетесь по заграницам и, возможно, на английском вам доступнее. Но – увы, я не владею никакими другими языками, кроме матерного и одесского суржика. Если хотите, могу попробовать перевести?

– Не хочу, – буркнул менеджер отдела сбыта по фамилии Лобков.

Был сей деятель «магистральных» бизнес-искусств элегантен, благоухающ и столь гладко выбрит, что невольно вызывал ассоциации с пресловутой «фамильной» частью женского тела из зоны глубокого бикини. Подвергшейся ежегодной предкурортной эпиляции.

– Не хотите – как хотите. Еще вопросы имеются?

– Имеются.

– Озвучивайте.

– Этот договор обязательно должен быть отправлен сегодня. У нас и так все сроки полетели. К чертовой матери.

– Положа руку на сердце, мне начхать с колоннады Исаакиевского собора на то, в каком направлении чартерно отправились ваши сроки. Меня другое тревожит.

– И что же?

– Складывается впечатление, что, воспользовавшись болезнью нашего юриста, вы подсовываете подобного рода бумаженции в расчете на мою некомпетентность. Так вот, спешу разочаровать: помимо церковно-приходской школы, я в свое время закончил и трехмесячные юридические курсы.

– А вот у меня складывается впечатление, что вам, Дмитрий Борисович...

– Ну-ну, продолжайте...

– ...что вам, как бывшему сотруднику органов, свойственно нагнетать нездоровую истерию. Дабы... – менеджер задумался, подбирая формулировку, – дабы показать свою полезность и незаменимость. Пускай бы и на пустом месте.

Под конец своей вспыльчивой фразы Лобков прикусил язык, запоздало сообразив, что подобного рода дерзость может выйти боком.

Однако Петрухин дерзновенный порыв оценил и понимающе улыбнулся:

– Я в курсе, Владислав Антонович, что наша с господином Купцовым деятельность в этих офисных стенах вызывает раздражение. Мол, все при деле. Все, аки пчелки, пахнут на благо корпоративного улья, походя ломая – не жилы, но жала. И только два бездельника-инспектора шляются по фирме, всюду суют свой нос и отрывают людей от производственного процесса. Так?

– Я такого не говорил.

– Вы такое подумали. Ладно, в конце концов – ваше право. Но договор в подобном виде все равно визировать не стану.

На столе очень вовремя затрезвонил служебный телефон, и Дмитрий с несвойственным ему рвением именно что рванул трубку:

– У аппарата!.. Что, прямо-таки «требуется»?.. Хорошо, сейчас поднимусь... Извините, Владислав Антонович, я вынужден свернуть нашу аудиенцию, поскольку меня срочно вызывает Брю... Виктор Альбертович.

* * *

Деловой разговор забрал последние силы.

Запрокинув голову, Федор Николаевич неподвижно лежал на спине и одними губами шептал/повторял немудреную, собственного сочинения – то ли молитву, то ли мантру: «Господи! Я не верю в Тебя. Но... Но помоги мне, яко милостив... Пускай поскорее вернется Ольга и... И принесет мне таблетки!..»

* * *

– Приветтики! Прекрасно выглядишь. Впрочем, как всегда, – отдежурился Петрухин. – Шеф там один, или?..

– У него посетитель. Замглавы КУГИ.

Брюнетовская секретарша Аллочка встретила вошедшего в приемную инспектора взглядом полных печали глаз. Ностальгия по былой, пускай и мимолетной, близости с сотрудником «магистральной» СБ в данную минуту срезонировала у нее с наступившими «критическими днями». А посему душа, не задумываясь о последствиях, буквально рвала декольте. Поспешая излиться за наболевшее.

– Часом, не господин ли Нарышкин?

– Он самый.

– Оп-па! Неужто наши парни снова супружницу прихватили?

– О чем ты?

– Ах да, ты ведь за ту историю не в курсе. Доложишь?

– Да, сейчас, – подтвердила Алла и внимательно, словно сканируя, уперлась малахитовым зеленоглазием в инспектора. – Дима, скажи: ты меня больше не любишь?

«О Боги! Только не это!» – мысленно простонал Петрухин.

Впрочем, раньше или позже, но подобного разговора все едино было не миновать. Потому как... Мужчина – он прощает и забывает. А вот женщина – в лучшем случае только прощает. А вот в части «забыть» – никогда.

– Э-э-э-э... В каком смысле?

– А разве в этом вопросе может быть какой-то иной смысл?

Застигнутый врасплох инспектор изобразил на скорбном челе попытку запуска мыслительного процесса.

– На работе ты меня избегаешь, – начала выкладывать аргументы вкупе с фактами Алла. – Совсем перестал звонить. Я уже не говорю о встречаться... Так, может, ее и не было?

– Кого?

– Любви.

Это уточнение было произнесено с такой тоской и одновременно с такой же потаенной на обратное надеждой, что Дмитрий окончательно растерялся. Не понимая – то ли начинать плакать, то ли смеяться.

– Алла... Понимаешь... Тут такое дело... Одним словом...

– Понимаю. Я была нужна тебе только для секса?

– Нет... Ну... – слабо запротестовал Петрухин. – Ну, не только...

А вот последнее инспектор ляпнул, разумеется, не подумав. Судя по тому, как ухоженные пальчики секретарши нервно зашарили по столешнице в поисках чего-нибудь «потяжелее», в направлении башки законченного циника и хама сейчас должен был проследовать некий предмет.

Однако старт, по счастью, был отложен раздавшимся из селектора недовольным голосом шефа:

- Я десять минут назад просил прислать ко мне Петрухина!
- Виктор Альбертович! Он здесь, в приемной... Только-только вошел.
- Так пусть заходит! После шуры-муры разводить станете!

Страдальчески реагируя на прозвучавшие как издевательство «шуры-муры», секретарша сбросила кнопку вызова и с нелегко давшимся металлом в голосе казенно отчеканила:

- Господин Петрухин! Пройдите к директору!
- Слушаюсь. И повинуюсь, – исторг облегченно Дмитрий и торопливо просочился

в кабинет.

Аллочка поднялась со своего места, поплотнее прикрыла за ним дверь и...
...и разрыдалась в голос...

* * *

В интерьерах брюнетовского кабинета чиновник из Смольного смотрелся непривычно жалким и потерянным. По крайней мере, он совсем не походил на своего грозного телевизионного двойника, каковой в выпусках местных новостей с завидным постоянством источал грома и молнии в адрес нерадивых подчиненных. Вселяя столь нехитрым образом в доверчивые сердца пенсионеров и домохозяек обманчивое ощущение, что городское имущество в кои-то веки вверено в надежные, да что там – в железные руки.

– Я так понимаю: представлять вас необходимости нет? – на всякий случай уточнил Виктор Альбертович.

– Нет-нет, – протягивая вспотевшую ладонь, выступил навстречу инспектору Нарышкин. – Мы уже имели честь пересекаться с Дмитрием Борисовичем. При... э-э-э-э... известных обстоятельствах. Замечу, Виктор, что тогда ваш сотрудник проявил должные такт и деликатность. Собственно, потому я и принял непростое решение обратиться к вам. А не...

Тут Станислав Аркадьевич окончательно замялся/стушевался.

– А не в силовые структуры, – докончил за чиновника Петрухин.

– Да-да. Именно. Тем паче, что слухи о ваших... э-э-э-э... успехах и подвигах эхом докатились и до наших стен.

– Это которые желтого цвета.

– Почему желтого? – не понял Нарышкин.

– Фасадные цвета Смольного.

– Ах да, разумеется. Извините, я сегодня не в лучшей форме.

– Ничего страшного, – миролюбиво «извинил» Дмитрий. – А за «эхо» – отдельное спасибо. Посему постараемся оправдать. Высокое доверие. Так что у вас стряслось? У супруги очередной приступ kleптоманства?

– Борисыч! – укоризненно покачал головой Брюнет.

– Ничего-ничего. Я сам всегда ратую за то, чтобы вещи назывались своими именами, – вступился за дерзкого инспектора Нарышкин. – Нет, Дмитрий Борисович, в данном случае у нас проблема... э-э-э-э... иного свойства. Я не исключаю, что все это вам покажется смешным...

– Станислав Аркадьевич, а можно – сразу и ближе к делу? – предложил Дмитрий, по-свойски плюхаясь на гостевой диванчик. – Без предварительных любовных ласк и прелюдий?

Петрухин ощущал себя фактически хозяином положения и уже вовсю прикидывал: какое количество тугриков следует содрать с этого правительственного хорька за профессиональную «авторскую» консультацию? Поскольку совершенно отчетливо угадывалось,

что тема, с которой заявился господин Нарышкин, «магистральных» дел не касалась. Разве что опосредованно – в имиджевой их части.

– Да-да, конечно, – согласился Станислав Аркадьевич, малость шокированный развязным поведением собеседника.

Несколько секунд чиновник собирался с мыслями, а потом, тяжело выдохнув, принялся излагать суть проблемы:

– Тут, видите ли, вот какое дело: в конце прошлой недели некий – я все-таки очень надеюсь, что шутник – подбросил моей Леночке три карты.

– Вы же сказали, что всё началось немного раньше? – напомнил чиновнику Брюнет. – С куклы?

– Да-да, точно так. Спасибо, Виктор. Действительно, всё началось с куклы.

– Однако! – хмыкнул Петрухин. – «Три карты». «Кукла». Считайте, вы меня заинтриговали.

Флэш-бэк

Начало октября. Отзолотившая своё осень только-только сменила «аватарку» на уныло-слякотный дагерротип.

В городе стыло, ветрено, мокро. Словом – противно.

Елена Ивановна Нарышкина выходит из угодливо-автоматически распахиваемых дверей знакомого нам универсама «Всячина», толкая перед собой нагруженную доверху тележку. Что именно в данный момент дополнительно транспортируется в карманах ее плаща, нам неизвестно, да это сейчас и не столь важно.

Супруга чиновника подкатывает к машине, пытается открыть багажник и с удивлением обнаруживает, что тот, оказывается, и не заперт.

Зело подивившись такому обстоятельству, Елена Ивановна заглядывает внутрь и натывается там на ручной работы, неуклюже сшитую куклу с выпученными глазами-пуговицами. Подобного рода игрушки частенько мастерят ученицы начальных классов – впервые и вынужденно взявшие в белы рученьки иголки на уроках по домоводству.

К слову – об иголках: самопальная кукла истыкана оными, что называется, с головы до пят.

Елена Ивановна испуганно озирается по сторонам, затем хватается за мобильник и, вызвав номер супруга, начинает отчаянно блажить:

– Стасик! Срочно приезжай! Я на парковке, возле магазина!.. Что?! Ты издеваешься? Какое совещание?! Какой еще губернатор?! Да! Именно что случилось! Да!.. Твою жену хотят убить!!! Вот что случилось!!!

*** * ***

– ...Стоп! А почему ваша супруга вот так вот, с ходу, решила, что ее хотят убить?

– Леночка клянется, что, когда заходила в магазин, специально проверила багажник – тот был закрыт, – пояснил Нарышкин.

– И чего?

– Согласитесь, что злоумышленник, который сумел открыть багажник, с таким же успехом мог подложить туда не куклу, а, скажем, бомбу.

– Резонно! – авторитетно заметил Брюнет.

– А смысл? – не менее авторитетно пожал плечами Петрухин. – Кабы в тот момент рядом с машиной находились вы оба – еще куда ни шло.

– Борисыч!

– Прошу прощения! Я всего лишь хотел сказать, что по роду деятельности у Станислава Аркадьевича всяко на порядок больше... пускай и не кровных врагов, но недоброжелателей точно.

– Я понимаю ход ваших мыслей, Дмитрий Борисович. Признаться, и сам немало размышлял над этим. Потому что у Леночки действительно нет врагов. Она очень открытый, очень общительный человек. А что касается ее недуга... Ну, вы понимаете?.. Я всегда старался... э-э-э-э... заглядить... э-э-э-э... ущерб, который она...

– Хорошо-хорошо. За «недуг» всё понятно. А, скажите, ваша жена всегда ездит за покупками одна?

Нарышкин развел руками:

– В том-то и дело, что обычно ее возит наш персональный шофер, Миша. Но именно в то утро он отпрашивался к врачу. К зубному.

– Ясно. А через... сколько вы сказали? Десять? А через десять дней на той же самой парковочке возникли эти три карты. Так?

– Да, – подтвердил Станислав Аркадьевич. – Три, как выяснилось позже, карты Таро.

– Еще раз напомните расклад.

– Перевернутые: туз мечей, десятка мечей, девятка мечей. Если верить специальной литературе, такой расклад символизирует порчу, которая может привести к смерти. Через, дословно, «усыхание человека».

– Лично я, братцы, не верю во все эти карты, – проворчал Виктор Альбертович. Который на заре своей туманной криминальной юности немало времени провел на катранах и почти профессионально играл в ныне практический забытый терц¹. – В куклу с иголками – еще куда ни шло, всякие там «вуду-шмуду». Но вот карты...

– Я тоже, до недавнего дня, не верил, – печально согласился Нарышкин. – Вот только факты.

– Какие факты? – оживился Дмитрий.

– Видите ли, моя жена сильно комплексует по поводу своей внешности. В части... э-э-э-э... форм.

– Да? А по мне так с формами там как раз все в порядке.

– Борисыч! – исторг суровую укоризну Брюнет.

А вот Станислав Аркадьевич, напротив, соглашательски закивал:

– Да-да, я тоже так считаю. Но вот Леночка... Уж на каких диетах не сидела, уж по каким врачам не ходила. Массажеры-тренажеры. Всё впустую, ни грамма не могла сбросить.

– Природу не переделаешь, – важно заключил Виктор Альбертович и невольно скосил глаза на свою солидное брюшко. – Кому сколько отмерено, столько тому и весить.

– А тут, сразу после истории с картами, за два дня потеряла почти три с половиной кило. Собственно, после этого с ней случилась форменная истерика, и мы вынуждены были обратиться в клинику неврозов. Где Леночка в настоящий момент и пребывает.

Как Петрухин ни старался, однако сдержать ухмылочку не смог:

– Хотите сказать, началось то самое «усыхание»?

¹ Разновидность карточной игры, изобретенной арестантами каторжных тюрем Сахалина и Сибири еще во второй половине XIX века.

В ответ Виктор Альбертович наградил подчиненного та-а-аким взглядом, что Дмитрий невольно закашлялся.

– Я допускал, что мой рассказ вызовет у вас... э-э-э-э... иронию, – обиженно среагировал на ухмылочку Нарышкин. – Но, поверьте, Дмитрий Борисович, лично мне сейчас совсем не до смеха.

– Извините, я это... того, глупость сморозил. Скажите, Станислав Аркадьевич, ваша супруга всегда пользовалась услугами именно этого универсама?

– Напротив, он ей очень не нравился.

– Почему?

– Во «Всячине» небогатый выбор свежей зелени. Да и овощи, в основном, заморские, безвкусные.

— Есть такое дело, — подтвердил Брюнет. — По этой причине моя покупает овощи исключительно на рынке.

– Вот-вот. С шофером Леночка тоже старается ездить на рынок, на Кузнечный. Но так как сама она – водитель неважнецкий, в одиночку не рискует выбираться далеко. Тем более в центр. Старается обходиться теми магазинами, что ближе к дому.

— То есть в день «трех карт» ваш водитель снова отсутствовал? Что, опять зубы?

– Представьте себе – да. Там у него какой-то сложный, запущенный случай.

– Бывает, – задумавшись, машинально подтвердил Петрухин.

Между тем Нарышкин посмотрел на часы и присвистнул:

– Ого! Прошу прощения, господа, но через сорок минут я, кровь из носу, должен быть в Смольном, на совещании у губернатора.

– Конечно-конечно, – закивал Брюнет и, натужно кряхтя, стал выбираться из-за стола.

– Что, опять «проклятые рудники»? – понимающе спросил Петрухин.

– Ага, болят по осени старые раны. Спина, будь она неладна... Пойдемте, Станислав Аркадьевич, я провожу. Борисыч, а ты дождись меня! Можешь пока попросить Аллу, чтобы сварила кофе.

– Всенепременно. Дождусь, – подтвердил Петрухин.

Надо ли говорить, что ни за кофе, ни за чем-либо еще обращаться к секретарше Дмитрий не стал?

Ибо уж лучше умереть от жажды, чем попадать под руку дважды.

Ведь рука нынче у Аллочки была та еще. Горячее не бывает.

Кстати, а сколько они вообще среднестатистически делятся?

Ну, эти? Которые «критические»?..

* * *

Пока Петрухина активно втягивали в очередной сыскной блудняк, его напарник – Леонид Николаевич Купцов, манкируя служебными обязанностями, проводил время в отдельной больничной палате на отделении военно-полевой хирургии ВМА. Где уже три недели кряду томилась жертва циничного дорожно-транспортного происшествия – юрисконсульт «Магистралей» Яна Викторовна Асеева².

К слову сказать, за время вынужденной обездвиженности госпожи Асеевой в их с инспектором отношениях наметились воистину тектонические подвижки в сторону взаимной приязни. С перспективой дальнейшего поступательного движения.

Тьфу-тьфу-тьфу – чтоб не сглазить...

— ...И чего сказал врач? Когда снимают гипс?

² Об обстоятельствах получения юрисконсультom «Магистрaли» травм – см. книгу третью «Решальщики. Движуха».

– Если все будет нормально, обещают в понедельник.

– Ух ты! – восхитился Купцов и с лукавой прищуринкой добавил: – Ну что ж, в таком случае откладывать дальше никак нельзя.

– Чего откладывать?

– Представляешь, я еще ни разу в жизни не занимался любовью с женщиной в гипсе!

– Леонид Николаевич! Да вы форменный извращенец!

– Не скрою – так и есть. Но это – мой единственный недостаток.

С такими словами Леонид сделал попытку приобнять Яну.

И в ответ был незамедлительно удостоен шутливого шлепка по лбу загипсованной конечностью.

– Инспектор Купцов! Прекратите немедленно! Иначе...

– Иначе что?

– Я пожалуйюсь вашей сестре, – как бы сурово dokonчила фразу Яна Викторовна. – Кстати, в отличие от вас, она произвела на меня самое благоприятное впечатление. Вот и верь теперь в недалекое от яблони яблочко.

Здесь Асеева невольно улыбнулась, снова припомнив недолгий тет-а-тетный разговор с младшей сестрой Купцова, случившийся в тот момент, когда Леонид ненадолго отлучился из палаты.

– ...Знаете, Яна, какой у меня брат?!

– Знаю. Немножко.

Несмотря на то, что женщины в данный момент были одни, далее Ирина все равно перешла на шепот:

– А вы знаете, что он в вас влюблен?

– Правда? А откуда ты?..

– Я давно догадывалась, что Лёнька по кому-то... В общем, сохнет... А вот сейчас, когда увидела, как он на вас смотрит...

– И как же он смотрит?

– С обожанием!.. Ну что вы смеетесь? Я серьезно говорю!

– Нет-нет. Я не смеюсь. Извини, пожалуйста.

– Так вот, Яна! Вы мне тоже понравились.

– Спасибо.

– Поэтому знайте: если что, с моей стороны возражений не последует. Ну, а то, что у вас маленький сын, – это ничего страшного. Не волнуйтесь, со мной малыши обычно ладят...

– ...А вот с Ирккой – это удар ниже пояса!

– Ну, допустим, на подобный удар я и сама способна.

Юрисконсульт потянулась за костылем, и Купцов, изобразив испуг, шустро отскочил от кровати.

– Да, и вообще: с чего вдруг вы, Леонид Николаевич, решили, что я изменила свою позицию в части... э-э-э... наших с вами отношений?

– А знаете, Яна Викторовна, какое ключевое слово в произнесенной вами фразе? – расплылся в довольной улыбке инспектор.

– И какое же?

– «Наших с вами».

В этот момент подал голос купцовский мобильник. Заблаговременно предупреждая, что комиссарского тела возжелал ни кто иной, как инспектор Петрухин.

Леонид подошел к окну, комфортно разместился на широком подоконнике и лишь тогда, с большой, надо признать, неохотой, ответил на входящий:

– Здравия желаю!

– И вам не хворать! Купчина, ты еще в больничке? Подле очаровательных ножек нашего не менее очаровательного юриста?

– А что, ты уже скучаешь по мне?

– Не то слово! Слухай, когда будешь уходить, доберись до кабинета Наташки. Она чего-то трубку категорически не берет. Наверное, на операции.

– А, может, она просто не хочет тебя слышать?

– Да быть такого не может! Короче, оставь там для Натахи записку. Чтобы, как освободится, сразу мне отзвонилась.

– Вы бы определились, господин инспектор: по кому все-таки скучаете – по мне, или?..

Пока приятели обменивались взаимными пикировками, Яна Викторовна, улучив момент, подхватила со столика косметичку и принялась торопливо набрасывать экспресс-макияжик.

– ...Шутка не удалась, шлифуй дальше, – вынес заключение Петрухин. – Между прочим, нам тут Брюнет новую халтуру подогнал.

– Денежную?

– Скорее, идиотскую. Из разряда «чищу карму, отрубая энергетический хвост».

– А поподробнее?

– А подробнее – когда вернешься. Всё, давай особо там не расслаживайся. А то чё я тут, в одиночку, с минетджерами воюю? Пока-пока...

– Что-то случилось? В конторе? – поинтересовалась Асеева, пряча зеркальце.

– Случилось. Но не в конторе, – подтвердил Леонид. – Похоже, опять придется отбавывать сторонний брюнетовый заказ. М-да... Что-то в последнее время я все чаще стал ощущать себя... проститутком.

– Надеюсь, хотя бы высокооплачиваемым?

– О да! И от этого ощущения становятся еще гаже.

– Попробуйте жертвовать получаемые гонорары на благотворительность. Может, станет немножечко легче?

– Именно этим я собираюсь заняться в самое ближайшее время.

– «Этим» – это чем?

– После твоей выписки я намереваюсь вытребовать у Брюнета недельку благотворительной реабилитации. И... – Купцов собрался с духом и выпалил: – И отправиться с тобой куда-нибудь в теплые края. С тобой и с Глебом, разумеется.

– Даже так? – прищурилась Яна Викторовна.

– Конечно. Тем более что с моим великовозрастным чадом ты уже знакома.

* * *

– Я тоже считаю, Борисыч, что всё это – муть полная. Но не мог же я в циничной форме указать на дверь заместителю главы КУГИ! Особенно теперь, когда у нас только-только начало выстраиваться подобие нормальных внерабочих отношений.

Проводивший чиновника до дверей служебного автомобиля Виктор Альбертович вернулся в свой кабинет, где они с Петрухиным немедленно затеяли обмен впечатлениями.

– Допустим. Но какого хрена он к нам-то прискакал? С его возможностями можно зарядить весь личный состав ГУВД. Как минимум, отдел по борьбе с мошенничеством.

– Нарышкин не хочет обращаться в полицию, резонно опасаясь утечки информации, – объяснил Брюнет. – Сам посуди: ну как эта история дойдет до журналюг? А сейчас это особенно нежелательно. С учетом той кутерьмы, что нынче творится в Смольном. Хрен ему между...

– Да, это было бы забавно! – захохотал Дмитрий. Представив себе фантасмагорическую картину: огромный бетонный фаллос разит, наподобие орудия таранного типа, парадный подъезд штаб-квартиры городского Правительства. Протискиваясь аккуратно между парных кваренгиевских колонн. – Да, а что за кутерьма?

– Да там, почитай, две трети народу на чумоданах сидит. В ожидании новых кадровых подстав со стороны преподобного Георгия³.

– Тем более. Получается, Нарышкина в любой момент могут – за ушко, да на солнышко? Какой тогда нам смысл евойную задницу облизывать?

– А мы облизываем не нарышкинскую задницу, а кресло, в котором она сидит. Разницу улавливаешь?

– Примерно.

– Вот и славно. Короче, чего мыслишь?

– Пока я вижу здесь только две зацепки, – неуверенно признался Дмитрий.

– Выкладывай. Что я из тебя всё как клещами?

– Во-первых, водитель Миша. Который оба раза отсутствовал, но при этом знал, в какой именно магазин во время его отсутствия отправится хозяйка.

– А резон?

– Да шут его знает! Может, ему за работу недоплачивают? Или мадам чем-то обидела? Да мало ли может быть причин?

– Хорошо, согласен. Что «во-вторых»?

– Госпожа Нарышкина оставляла машину в так называемой «вип-зоне», где обычно паркуется руководство магазина. Наверняка этот сектор контролируется камерами.

– Толково! – похвалил Брюнет. – А с самой мадам пообщаться не хочешь?

– Если честно – нет. Мадам – клептоманка, так что у нее, по определению, с психикой не в порядке. А уж с учетом нынешнего «усыхания»... Не, я психов боюсь.

– А кто не псих? Покажи!

– Тоже верно. Именно по этой причине я намереваюсь подогнать к Нарышкиной своего специально обученного человека. К слову, его услуги недешевы.

– Что за человек? – озаботился Виктор Альбертович.

– Я свою агентуру не сдаю.

– Понял. Сколько?

Петрухин пощелкал внутренним калькулятором и озвучил итоговое:

– Думаю, триста баксов в самый аккурат.

Виктор Альбертович безропотно достал увесистое портмоне, отсчитал три зеленых бумажки и переправил инспектору с насмешливым:

– Держи, крохобор.

– Не крохобор, а педант, – пряча деньги, уточнил Дмитрий. – Кстати, ты намекнул господину чиновнику, что за бесплатно даже голодный заяц на барабане не играет?

– Всё! Сгинь! Иди, работай.

– Значит, говорил, – удовлетворенно подвел черту Петрухин, направляясь на выход. – И это правильно, Витя. Ибо борьба с потусторонними силами требует не менее потустороннего финансирования... Слушай, будь другом – вызови под каким-нить предлогом Аллку? Вот прямо сейчас.

– Зачем?

– Ты не анализируй, просто вызови, и всё.

³ Здесь следует пояснить, что к моменту описываемых событий в Санкт-Петербурге успел смениться губернатор: на место ушедшей в Совет Федерации Валентины Матвиенко был назначен «варяг» из столицы – Георгий Сергеевич Полтавченко.

– Хорошо, не вопрос, – Виктор Альбертович щелкнул рычажком и пробасил в селектор: – Алла, зайди ко мне. И захвати папку с контрактами по уральским поставкам...

* * *

Сон как Чудо.

А Чудо – это... Это когда боль временно отступает, а истерзанный неотвязной, одной-единственной мыслью – мыслью о смерти – мозг проваливается в забытье.

Сон как убежище. Сон как спасение.

Жаль только, что с каждым днем он становится все более коротким, беспокойным и рваным.

Федор Николаевич нехотя разлепил веки, и волна жуткой боли накрыла его всего – с головой и с потрохами.

Он застонал, с невероятным усилием приподнялся на локтях и прохрипел:

– Оля... О-о-о-о-ленька...

Из глубины необъятной квартиры послышались торопливые шажочки, скрипнула дверь, и в спальню впорхнула встревоженная Ольга.

– Ты звал меня, милый?

– Да, – выдохнул Федор Николаевич и рухнул на подушки. – Давно вернулась?

– Примерно час назад. Но ты так крепко спал, что я не стала тебя беспокоить.

– Подай мне таблетки. Да не эти! – застонал Федор Николаевич, зафиксировав движение в направлении прикроватной тумбочки. – Ты же знаешь, что ЭТИ мне уже не помогают. Дай мне ТУ, красную!

– Но, малыш! Твой Лоцилин не рекомендовал принимать их чаще одного раза в день, – опасливо напомнила Ольга. – Да и Серафим настоятельно предупреждал, что лекарственные препараты в твоём случае следует принимать крайне осторожно.

– Я сто раз просил тебя не называть меня «малыш»!

В голосе Федора Николаевича прорезались нотки раздражения.

В этот момент он был противен сам себе, но ничего поделать с собой не мог – это Боль говорила за него, диктуя Свои правила и озвучивая Свои желания.

– Всё-всё, успокойся. Извини. Больше не буду.

– А твой Серафим – шарлатан и прохвост. Ноги чтоб его в нашем доме больше не было!

– Ну, знаешь! – обиженно вскинулась Ольга. – Я целыми днями мотаюсь по городу, пытаюсь любыми, пускай самыми фантастическими, способами, но – помочь. А он... он... вместо благодарности...

В уголках ее глаз непроизвольно выступили слезинки.

– Ну, извини-извини, – смущенно зашептал Федор Николаевич. – Слышишь, Оленька? Ну, прости ты больного старика.

– Больного – да. Но! Не старика!

– Принеси, пожалуйста, больному его таблетки, – вымученно улыбнулся «не-старик», и Ольга, вздохнув, покорно направилась на кухню.

– И верни мне телефон! Я жду очень важного звонка из банка, – полетело ей вдогонку.

– А заниматься служебными вопросами тот же Лоцилин тебе строго-настрого запретил.

– Но ведь ты ему не скажешь, правда?

Молодая красивая женщина качнула огромными ресницами и грустно констатировала:

– Согласна. Ты – не малыш. Ты – трудоголик и чудовище.

На душе у Федора Николаевича потеплело.

Потому что распахнутые навстречу тебе ТАКИЕ глаза – единственно они и стоят того, чтобы продолжать жить.

Жить, наслаждаясь их созерцанием. Фиксируя и запоминая. Чтобы там, на Небе, было о чем вспоминать и чем гордиться.

«Гордиться», ибо мало кто на этой Земле может похвастаться тем, что его любят ТАКИЕ глаза...

Санкт-Петербург, 21 октября, пт.

Дабы не отпугивать потенциальных клиентов официальным названием «Городская психиатрическая больница № 7 имени академика И. П. Павлова», с некоторых пор данное медицинское учреждение шифровалось под более лаконичной и умиротворяющей вывеской «Клиника неврозов».

Земля, на которой стояло старинное здание больнички, по нынешним питерским меркам считалась одной из самых дорогих и «козырных». Судите сами: Васильевский остров, совсем рядом с церковью Успенского подворья монастыря Оптиной пустыни. А значит – всего в нескольких минутах ходьбы от потрясающе красивого вида на Неву с набережной лейтенанта Шмидта. Даже странно, что подобное учреждение до сих пор продолжало пребывать в своих исторических стенах. А не оказалось выдавлено куда-нибудь в спальные районы, а то и вовсе – в область. А что? Там и воздух чище, и шума меньше, что для «нервных» болезней всяко полезительней. А здесь, на освободившейся территории, вполне можно было забабахать очередную «стекляху» бизнес-центра или, на худой конец, отельчик. Этажей, эдак, в семь – девять, больше оно ведь и не нужно, правда?..

Впрочем, озвученная нами «странность» имела под собой основания. Поскольку начиная примерно с середины девяностых годов прошлого века, продолжая работать под девизом «все психи в гости будут к нам», медучреждение сделало основную ставку на обслуживание вип-клиентов. А именно – состоятельных дамочек: жен, дочерей, любовниц, подруг, бизнес-вумен. Плюс – все перечисленные категории, но с приставкой «экс-». Будучи подвержены огромному количеству стрессов, фобий, депрессий и прочих проблем психического свойства (здесь – от вполне естественных страхов лишиться богатого кормильца до банального бытового алкоголизма), таковые порядочные дамы из высшего света стали попадать сюда пачками – сначала на общих основаниях, а затем для них скоренько забабахали вип-апартаменты. Причем затраты на реконструкцию отбились за какие-то неполные парочку лет. И вот как раз в одну из таких «люксовых» палат этим вечером и заявила провести подругу Ольга Глинская.

Их знакомство состоялось около года назад на официальном приеме, что давался в правительственной резиденции К-2 на Крестовском острове. По сути, то был первый для Федора Николаевича выход в свет с молодой женой, и, помнится, поначалу он ужасно нервничал и стеснялся. Причем стеснялся всех поголовно, включая новую супругу. Однако Ольга умудрилась с ходу очаровать и покорить подавляющее большинство присутствующих, за исключением разве что ортодоксальных представителей «голубой» ориентации. И вот там-то, невзирая на внушительную разницу в возрасте и статусе, они с госпожой Нарышкиной очень быстро и естественно сошлись: сначала на почве взаимного интереса к косметологии и ювелирному делу, а затем и по множеству других, не менее занимательных тем. Таких, например, как ворожба и народное целительство.

– А ведь я вам еще после истории с куклой говорила – порчу на вас насылают, Елена Ивановна! – назидательно выговаривала Ольга, сгружая в холодильник всяко-разные деликатесные вкусности. – Однозначно! Надо было сразу обратиться за помощью к Серафиму. Да, его услуги недешевы...

– Ох, Оленька! Да причем здесь деньги? – тяжело вздохнула госпожа Нарышкина. – Был бы толк! Вон, у вас-то серьезных улучшений тоже пока не наблюдается: что с магом этим, что без...

– А серьезных, да чтобы скоро, и быть не могло, – убежденно парировала Глинская. – Серафим меня сразу предупредил, что наш случай очень запущенный. – Здесь Ольга страдальчески закатила глаза. – Вот если бы я сразу к нему обратилась. Я ведь, Елена Ивановна, куда только не кидалась: и врачей самых лучших приводила, и батюшку на дом приглашала.

– Да-да, деточка, я знаю.

– И все без толку. Только время драгоценное потеряла.

– А что же Серафим?

– После нескольких сеансов к Федору Николаевичу по крайней мере аппетит вернулся. Ну, скажем так, почти вернулся. И я считаю, что одно это – уже победа. Значит, организм начал потихонечку бороться.

– Да-а-а... аппетит – это хорошо, – задумалась о своем Нарышкина и невольно покосилась на стоящие под столом напольные весы. – А вот у меня сейчас... Боюсь даже вставать на них.

– Вот видите! Кстати, я как раз вчера была у Серафима и замолвила за вас словечко.

– И что он сказал? – оживилась Елена Ивановна.

– Вы же знаете – у него приемы расписаны на несколько месяцев вперед. Но тем не менее для вас Серафим пообещал сделать исключение. Он перенесет какие-то более легкие случаи на попозже, а сам займется вами.

– А у меня, значит... О, Господи!

– Ох я нерпа глупая! – спохватилась Ольга. – Язык без костей.

– Ничего от меня не скрывай. Говори!

– Не хотела я вас, Елена Ивановна, пугать, но... В общем, Серафим сказал, что по всем внешним признакам ваш... хм... сглаз... он – да, непростой...

– О, Боже!

В этот момент в дверь постучали и в палату вошла располагающей наружности женщина в медицинском халате, наброшенном поверх растянутого плащика.

– Добрый вечер! Нарышкина Елена Ивановна – это вы? – обратилась та к возлежавшей.

– Да. А вы... э-э-э-э...?

– Меня зовут Наталья Александровна. Я – врач. Но работаю не в этой клинике, а в Военно-медицинской академии.

– А по какой специализации? – строго спросила Глинская и уточнила: – Надеюсь, не психиатрия?

– Ну, почему сразу? Я... – Здесь Наталья Александровна слегка запнулась. – Я... хм... кардиолог.

– А что? У меня еще и?.. – побледнела Елена Ивановна.

– Нет-нет, успокойтесь. Просто знакомые вашего супруга попросили меня о небольшой консультации. Так сказать – взгляд стороннего наблюдателя.

– Знакомые Стасика?.. Ну... ну хорошо.

– Простите, – обратилась врачиха к Ольге. – Вы не могли бы оставить нас одних? Впрочем, если вы еще не закончили, я могу обождать-погулять.

– Да-да, конечно, без проблем. Всё, Елена Ивановна, я побежала. А вы давайте тут поправляйтесь. – Глинская подошла к кровати, склонилась для прощального «чмоки-чмоки» и прошептала: – Визиточку с телефоном Серафима я оставила на столе. Обязательно ему позвоните. Сегодня же!..

* * *

В зачalenном на парковочке клиники неврозов «фердинанде» вот уже больше часа томился Петрухин и, коротая время, забавлялся игрой в «танчики» на мобильном телефоне, поминутно поглядывая на центральный подъезд.

Служебный микроавтобус был бесцеремонно экспроприирован им на сегодняшний вечер с плавным перетеканием «времени аренды» на последующие оба выходных. На замечание Купцова, дескать: «Какие могут быть выходные, когда у нас халтура?» – партнер в довольно грубой форме разъяснил, что согласно Трудового Кодекса имеет право на сорокачасовую рабочую неделю («Если не веришь мне, можешь справиться у знакомого юрис-консульта»). Так вот персонально он, Петрухин, к вечеру нынешней пятницы отмантулил таковых часов не менее пятидесяти. А посему собирается полноценно отдохнуть и восстано-вить пошатнувшееся здоровье – как физическое, так и душевное. Далее последовала реплика о том, что «коли у отдельных трудоголиков свербит в одном месте, им никто не запрещает продолжить оперативно-сыские мероприятия в индивидуальном порядке». В частности, направиться в стоматологическую клинику и выяснить: действительно ли персональный шофер Нарышкиных лечил свои зубья в те дни, когда дражайшую Елену Ивановну неиз-вестные шутники развлекали куклами и картами? Равно как попытаться разузнать за новый адрес гадалки Александры. Той самой, которая в миру – гражданка Гусева.

Прошло еще минут пятнадцать, и на больничном крыльце наконец показалась Наташа. Петрухин сбросил игрушку, подхватил с приборной панели тяжеленный, умопомрачитель-ный (здесь – в первую очередь своей ценой) букет и выдвинулся навстречу.

– Привет! А вот и мы!

– Ох, ничего ж себе! А кто такие «мы»?

– Мы – это флора и фауна. Фауна – вот она. – С этими словами Дмитрий протянул букет. – А я, соответственно, прохожу по разряду флоры: «Здравствуй-здравствуй, еж уша-стый!»

– Какая чудесная флора! – потрясенно выдохнула Наташа, погружая лицо в цветы. – Пахнут-то как! У-у-у!.. Ой, Мить, это же, наверное, очень дорого?

– Фигня. Подумаешь, каких-то триста баксов.

– Ты решил пустить мне пыль в глаза? Или это взятка? За вранье и использование служебного положения?

– Никакой пыли и никаких взяток. И вообще – у меня самые серьезные намерения.

– Даже так? Кстати, мне показалось, что эта твоя Елена Ивановна, она и в самом деле...

– Во-первых, она не моя, – перебил Петрухин. – А во-вторых – потом. Это всё потом.

– Как скажешь. А что сейчас?

– А сейчас мы поедем домой... К НАМ домой!

– Ты... уверен? – после долгой паузы тихим шепотом спросила Наташа.

– Да. Всё, Наташа, хорош! Нагулялись мы с тобой. Оба два. Нагулялись, и – будя. Штык в землю!

– То есть ты меня... прощаешь?

– А ты меня?

Вместо ответа Наташа обвила руками петрухинскую шею и...

...и сначала просто нежно поцеловала. А затем основательно-подзабыто-страстно именно что впиалась в прокуренно-родные губы...

* * *

Здесь, слегка забегая вперед, под большим секретом расскажем, что буквально час спустя ломтём отрезанное «нагулялись» сменилось безудержным гротескным «разгулялись».

Продолжившимся на протяжении всех последующих выходных часов.

Ну да умолкаем...

Не будем... кхе... мешать.

Двум старым-новым влюбленным...

Глава вторая

Санкт-Петербург, 24 октября, пн.

Утром первого дня новой рабочей недели решальщики, не заезжая в контору, выдвинулись в установленный Купцовым адрес госпожи Гусевой. Как выяснилось, свою двухкомнатную квартиру в Горелово «мадам Александра» несколько месяцев назад сдала под наем, а сама переселилась в однушку дома-корабля, выброшенного на невский берег на самых выселках Рыбацкого. То был «спальный» район новостроек, в большинстве своем однотипных и, мягко говоря, унылых.

– М-да... Прежнее лежбище нашей почтенной колдуньи располагалось в куда более веселеньком месте, – констатировал Петрухин, выбираясь из «фердинанда» и критически осматриваясь. – Оно понятно, что Горелово – тоже не подарок. И тем не менее.

– Видимо, с клиентурой не ахти, – рассудил Купцов.

– Однако в агрессивную печатную рекламу наша мутновидящая и яснослышающая по-прежнему вкладывается. Кстати, ты так и не показал мне текст?

– Вот держи, – Леонид достал из кармана рекламную страничку, вырванную из питерского еженедельника «Панорама». Где интересующее напарников объявление с фотографией было обведено красным маркером.

– Ничуть не изменилась, даже словно бы похорошела. Вот что «фотошоп» животворящий делает, – усмехнулся Дмитрий и зачел вслух: – «Гадалка Маргарита. Любовная магия, приворот. Заговариваю на удачу, снимаю душевную боль». Не понял, а почему «Маргарита»?

– Может, она не только хату, но заодно и карму сменила?

– После общения с нами? А что, вполне может быть. А всё почему?

– И почему же?

– А не фиг тормозить в профессиональном росте. Сколько можно опираться на бабкины методы? Да и в плане пиара не мешает поработать. А то что это такое: «заговариваю на удачу, снимаю душевную боль»? Пошлятина.

– Э-э, не скажи. По-моему, про «душевную боль» весьма душевный пассаж. Так, нам сюда. Седьмой этаж.

– Хочется верить, что лифт работает, – проворчал Дмитрий и...

...и обломался.

– Учитывая, что потенциальными клиентами нашей ведуньи являются старые девы и разведенки, нет ничего удивительного в том, что с клиентурой у нее – полный швах, – тяжело дыша, умозаключил инспектор Петрухин перед тем, как начать преодоление последнего лестничного пролета. – Это ж какую «душевную боль» надо испытывать, чтобы сюда добраться!

– Спортом надо заниматься, господин инспектор.

– Так я и занимаюсь. – Дмитрий мечтательно закатил глаза. – Эх-х, какие акробатические этюды мы в эти выходные с Натахой выделявали! Цирк дю Солей отдыхает!

– Так вы с ней всё, окончательно? Назад сбежались?

– Окончательно и, надеюсь, бесповоротно. Уфф... слава богу, доковыляли...

Леонид втопил кнопку звонка, и через некоторое время до решальщиков донеслось настороженно-недовольное:

– Что надо?

– Здороваться надо, мадам Маргарита. С клиентами.

– Кто вы такие? Я вас на прием не записывала.

– Людмила Петровна! Кончайте ерундой заниматься, – весело попросил отдышавшийся Петрухин. – Вы же наверняка меня узнали? А если вдруг подзабыли, вещунье чувство должно было подсказать, что мы еще должны были встретиться. В этом измерении.

Дверь приоткрылась на длину наброшенной цепочки, и в образовавшуюся щелочку выглянула госпожа Гусева собственной персоною. С коею персоной решальщики имели сомнительное удовольствие законтиться, расследуя историю о «травле Лисы»⁴.

– Чего надо-то?

– Требуется всего лишь небольшая профессиональная консультация. Ничего личного, только бизнес. А кто старое помянет – тому... Ну да вы сами знаете.

– Сто баксов.

– О как? А вот здесь, в газетке, написано, что первый сеанс бесплатно?

– Одно дело – сеанс, а другое – консультация. Разницу чувствуешь?

– Грубая вы женщина, Людмила Петровна, – вздохнул Петрухин, доставая из бумажника деньги. – В рублях возьмете? По курсу?

На ласкающий ухо хруст купюр дверь распахнулась, и решальщики зашагнули в квартиру, она же – магический салон, напутствуемые сварливым хозяйским: «Обувь снимайте!»

* * *

Кабы в огромной кадке, громоздящейся в дальнем углу приемной «Управления подготовки сделок с объектами недвижимости»⁵ росла не чахлая пальма, а, допустим, яблоня, то падать ее плодам ныне было бы решительно некуда. Ибо утром понедельника в приемной имел место быть форменный биток.

О зашкаливающей плотности посетителей на квадратную единицу площади можно судить хотя бы по тому факту, что сидячего места не хватило САМОМУ Виктору Альбертовичу Голубкову. И тот вынужденно сделался не просто живой частью живой очереди («как последний лох!»), но еще и стойчески отстаивал ее на своих двоих. Неудивительно, что внутри у Брюнета всё клокотало, и в данный момент он ощущал себя классическим персонажем Федора Михайловича.

То бишь «униженным и оскорбленным»...

В приемную неожиданно проскользнул господин Нарышкин и, профессионально протискиваясь между просителями, проложил себе путь к столу и телу секретарши:

– Здравствуйте, Танечка. Я смотрю, у вас тут сегодня прям аншлаг какой-то.

– Здравствуйте, Станислав Аркадьевич. Ага, форменный «Аншлаг». Только Петросяна не хватает.

– Танюш, мне необходима пара минут привата. Устроишь? Иначе я потом уеду в Смольный, и твоей шефине придется уже самой разыскивать меня там.

Секретарша сурово наморщила хорошенький лобик:

– Ну, если только «пара минут»... Хорошо, сейчас от нее выйдет посетитель, и я вас сразу проведу.

Станислав Аркадьевич удовлетворенно кивнул, распрямился и только теперь выцепил в толпе просителей несчастную фигуру Брюнета.

– Ба, Виктор Альбертович! – Старые знакомые обменялись крепким рукопожатием. – Какими судьбами?

– Да вот, принес проект строительства на подпись.

– Расширяетесь?

⁴ Подробности этой истории – см. книгу первую «Решальщики. Перегрузка».

⁵ Структурное подразделение Комитета по Управлению городским имуществом.

– Расширяемся, – мрачно подтвердил Брюнет. – Вот только в свете последних событий не очень понятно: на кой?

– Ну, не стоит смотреть на вещи так мрачно. Как говорится: бог не выдаст...

– ...а ежели и выдаст, то всяко не нам, – закончил Виктор Альбертович.

– Смешно. Да, а что ж вы сам-то сюда? А не через...

– Да у меня юрист четвертую неделю на больничном. Вот, приходится, как распоследнему... самолично в очередях выстаивать. А тут еще, ко всем прочим напастям, спина разболелась – жуть.

Нарышкин понизил голос и заговорщицки предложил:

– Выйдем на минутку? Пошепчемся?

Мужчины покинули приемную, вышли в просторный холл.

– Там по моей теме ничего нового?

– Парни активно работают. Сегодня вечером доложат первые результаты.

– Обязательно держите меня в курсе. Если потребуется какая-то помощь...

– Само собой. Как здоровье Елены Ивановны?

– Вчера выписалась из клиники.

– Слава богу.

– «Слава», да не совсем, – помрачнел лицом Нарышкин.

– А что так?

– Сегодня с самого утра потащила на прием к Серафиму.

– Ку-уда?!

– К белому магу. Кудеснику и целителю. Бабы ей знакомые нашептали. Дескать, снимает порчу и все такое... А знаешь, Виктор Альбертыч, сколько этот Серафим за один сеанс берет?

Чиновник озвучил сумму, вызвав у Голубкова реакцию искреннего потрясения:

– Ни ху... Хм... М-да... Однако...

Из приемной вышел посетитель, и Нарышкин засуетился:

– Всё, я пошел к мадам. А ты давай протискивайся поближе к секретарше и будь наготове: попрошу, чтобы тебя приняли вне очереди.

– А вот за это – премного.

– Ерунда. Свои люди – сочтемся...

* * *

– Огромное спасибо за ликбез, Людмила Петровна. Ваша лекция была в высшей степени познавательной. Не правда ли, инспектор?

Прослушавшие получасовую «консультацию» решальщики, едва уместаясь в клетушке прихожей, в данный момент синхронно зашнуровывали ботинки. Сию немудреную процедуру они осуществляли под бдительным оком маячившей в дверном проеме хозяйки. Нежданно-негаданно, а главное – абсолютно в легкую поднявшуюся на три тысячи денежных единиц. Словом, кому понедельник – день тяжелый, а кому – как.

– Истинно, – подтвердил Леонид. – Кстати, Людмила Петровна, как поживает ваша сестрица?

– Померла Ксюха.

– Что? Когда?!

– В июле схоронили, – с болью, непривычно-искренне отозвалась Гусева. – Я потому и решила гореловскую квартиру сдавать. Куда мне одной теперь две комнаты? И дорого. И вообще... давят стены... Аура там страшная...

Перед глазами Леонида отчетливо, с потрясающей прорисовкой деталей всплыла картинка из казалось бы такого недавнего прошлого.

Начало июня. Белая ночь. Двор-колодец в каменных джунглях Коломны. Девушка-наркоманка...

– А, может, все-таки полечишься?

– Не, не вставляет. Да и смысла нет... СПИД у меня нашли.

– Понятно... Жаль...

– А мне – нет... Устала я... Хочу, чтобы поскорее... Сколько уже вокруг народу зажмурилось... Вот и Клюв... – Оксана болезненно прикусила губу. – А меня все никак черт не приберет. Но теперь уж скоро. Чувствую. Ну... бывайте, что ли?.. Как меня найти – вы знаете... Не бойтесь, не сбегу... Куда бежать-то?..

– Примите мои соболезнования, – сглотнув подступивший к горлу ком, хрипло сказал Купцов.

– Да, жаль. Совсем молодая девка была, – безо всякой интонационной жалости, дежурно подтвердил Дмитрий. – Да, и самый последний вопрос, что называется «на ход ноги». Скажите, разлюбезная, не известен ли вам, часом, такой персонаж как белый маг Серафим?

– Сука он! – лаконично, ни на секунду не задумываясь, откомментировала бонус-вопрос гадалка.

– Как-как?

– Тебе по буквам разжевать?

– Нет, нам с товарищем желательно в красках и подробностях, – заинтригованно попросил Петрухин. – Да, если эта информация требует... хм... дополнительного финансирования...

– Если вы прижучите этого урода и отберете у него лицензию, я вам сама приплачу. Денег соберу со всего нашего... э-э...

Здесь госпожа Гусева застопорилась в подборе правильного термина.

– Цеха? – подсказал Леонид.

– Кагала? – предложил свою версию Дмитрий.

– Профсоюза! – огрызнулась гадалка.

– Очень интересно. Ну что ж, с удовольствием послушаем. Инспектор Купцов!

– Я!

– Рассупониваемся обратно!..

* * *

«И они посидели еще немного. А потом еще немного... и ещё немного... пока, увы, совсем ничего не осталось»⁶. В данном конкретном случае «не осталось» во внутримозговых информационных массивах ворожейки-надомницы. Но кое-что любопытное там, судя по всему, сыскалось. Так как, когда решальщики окончательно покинули адрес Гусевой, стрелка на часах перевалила далеко за полдень.

– И что ты обо всем этом думаешь?

– Покамест я думаю, что визит к мадам Маргарите оказался крайне полезителен, – отозвался Дмитрий. – А вот всё остальное нужно всесторонне обкашлять. Ну чего, заедем куда-нить пожрать и двинем в контору?

⁶ Цит. из м/ф «Винни-Пух идет в гости».

– Может, ну его на фиг? Это я не про еду, разумеется. Про контору.
– Здрасьте! У нас же вечером заслушивание. У товарища Брюнета. Забыл?
– Блин, точно, – поморщился Купцов. – Совсем из башки вылетело.
– Да у вас, инспектор, налицо все признаки прогрессирующего склероза. Смотри, дру-
жище: запустишь – может оказаться чревато.

– Чревато чем?

– Не то худо, когда забываешь застегивать ширинку. Гораздо хуже, когда забываешь
ее расстегнуть.

– Слабовато. На гомерический хохот не тянет.

– Извини, чем богаты. Так куда направимся питаться?

– Димк, а давай ты лучше меня возле метро выкинешь? – немного смущаясь, попросил
Леонид.

– На кой?

– Пока ты обедаешь, я как раз успею к Яне проскочить – ей сегодня гипс снимают.
Да не криви рожу-то! Я ненадолго.

– Плавали – знаем. Это ты другим звени про «ненадолго», – заворчал напарник. –
А не мне, человеку долга.

За разговорами решальщики добрались до микроавтобуса и, загрузившись, покатали
в сторону центра. Впрочем, всего через каких-то сто метров встали, упершись в «пробочку».

– Слушай, «человек долга», помнишь, я как-то просил тебя аккуратненько опросить
Брюнета?

– На предмет?

– На предмет Янкиного мужа.

– А-а. Было дело под Полтавой.

Ярко-малиновые пятна стоп-сигналов стоящего впереди «жигуленка» погасли – вере-
ница машин медленно тронулась. В образовавшуюся перед «фердинандом» брешь тотчас
попытался влезть «мерс» из неподвижного левого ряда, однако Дмитрий резво газанул впе-
ред. «Мерс» возмущенно засигналил в адрес «ржавого ведра». В ответ Петрухин поставил
локоть правой руки на клаксон и замер в позе роденовского «мыслителя». От оригинала его
сейчас отличало разве что выражение лица да выставленный в приоткрытое окно средний
палец. Остальные, разумеется, оказались поджаты.

– Прекрати, – скривился Купцов, которого все эти американские штучки страшно раз-
дражали.

– А че он борзее? – буркнул Дмитрий.

Но локоть с клаксона снял. И убрал из окна палец.

– Так ты спросил у Брюнета? – нетерпеливо напомнил Леонид.

– Допустим.

– Ну и? Есть чего сказать?

– Кое-что есть, – неохотно подтвердил Петрухин.

– Блин! Хорош уже издеваться! Рассказывай!

– Экий вы пылкий. Влюбленный... Короче, если в двух словах – Асеева вдова. Так что
все пути тебе открыты.

– А если в трех?

– А если в трех: покойный муж Яны Викторовны работал на Брюнета и был известен
под кличкой Сева Осетинский. Его застрелили пять лет назад.

– Фига се! – обалдело выдохнул Купцов. – А... а почему «осетинский»? Типа, кавказец?

– Нет, типа славянин. Просто обожал осетинские пироги. Остальную жизненно-важ-
ную информацию об этом человеке вы, инспектор, можете получить от своих друзей из ОРБ.

Или ознакомиться с ней в цельно-стыренной и растиражированной на дисках базе данных РУБОП.

– А с чего ты вдруг со мной таким тоном?

– А с того, друг мой, что я, конечно, обожаю собирать сплетни. Но! Очень не люблю их пересказывать, – отчеканил Дмитрий. – И на этом всё... Проехали... Вернее – поехали. К метро... И учти – чтоб к семнадцати нуль-нуль был как штык. Я в одиночку за всех и вся отдуваться не собираюсь. Невзирая на твои героические «заслуги выходного дня».

* * *

Болезненно морщась, Федор Николаевич потянулся за трубкой радиотелефона и по памяти плохо слушающимися пальцами набрал номер.

Снова безрезультатно: абонент продолжал пребывать вне зоны доступа.

В принципе, в этом не углядывалось бы никакой трагедии, кабы не странный утренний звонок из банка. Скорее всего, позвонивший – судя по голосу, совсем еще зеленый «клерчок», – банально запутался в цифрах счета, но спокойствия пущего ради хотелось убедиться в этом лично. Вот только Лоцилин, как назло, куда-то запропастился.

«Наверное, накануне перебрал со шведами, обмывая сделку. С него станется», – неприязненно подумал Федор Николаевич и, совершив над собой очередное усилие, сделал новый вызов:

– Алло! Оленька, это я. Тебе сегодня случайно Лоцилин не звонил?.. Понятно... Да так, ерунда. Хотел кое-что уточнить... Когда вернешься?.. А побыстрее никак?.. Да я понимаю, котенок. Просто, похоже, у меня снова начинается... Таблеточку бы мне... Поторопись, солнышко, поторопись...

Глинский сбросил звонок и в бессилии откинулся на подушки, продолжая сжимать в ладони телефонную трубку.

* * *

– ... вот на этой оптимистической ноте позвольте закончить доклад о магических обрядах и не менее магических разводках и перейти к прениям. Слово предоставляется инспектору Купцову.

Приватное совещание в кабинете Брюнета, в ставшем уже традиционным формате «1 + 2» началось с получасовым (здесь – по вине босса) опозданием. И это обстоятельство персонально для Купцова оказалось весьма кстати, поскольку возвратиться из больницы к озвученным «17:00» он не успел. Причины тому имелись самые уважительные – с Яны Викторовны действительно сняли гипс. И, отмечая столь важное событие, они, улучив межпроцедурный момент, умудрились экстремально заняться экстремальной любовью. Так что по приезду в контору Леонид внутренне сиял как начищенный до блеска пятак, хотя внешне продолжал поддерживать повседневное «лица необщее выражение».

– Версию о сопричастности к нашим мистическим событиям шофера Нарышкиных можно задвинуть обратно, – перехватил эстафету доклада Купцов. – Я смотался в зубодробильную клинику и выяснил, что Миша действительно оба раза был у стоматолога. О чем имеются соответствующие записи в медицинской карте. У него пародонтоз.

– А как ты получил доступ к персональным медицинским сведениям? – ревниво поинтересовался Петрухин. Прекрасно понимающий, что таковой процесс сопряжен с немалыми трудностями.

– На личном обаянии, – честно признался напарник.

И... тут же пожалел о своей врожденной щепитильности. Так как в схожей ситуации Димка в легкую бы соврал о всученной медперсоналу взятке и слупил с Брюнета пару-другую иностранных сотенок «оперрасходов».

– Понял тебя, Леонид Николаевич. А что по второй версии? Что показали записи камер слежения на парковке?

– А записи не показали ровным счетом ничего, – кратко отчитался за свое направление Дмитрий.

– Это как?

– А вот так. Отчего-то не сохранились записи за те дни, когда магазин своим вниманием ошастливила гражданка Нарышкина.

– И что на это говорят сотрудники ихней СБ?

– А сотрудники ихней СБ разводят руками: мол-де, мистика какая-то. За все остальные дни архивы сохранились, а вот именно в эти...

– Не нравится мне такая мистика, – нахмурился Брюнет. – А может, там и в самом деле какая-то... хм... чертовщина с магией? Кстати, вы в курсе, что Елена Ивановна вчера выписалась из клиники?

– Нет.

– Что-то они слишком быстро ее того... подлечили, – подивился Купцов.

– Да там ведь какое лечение? Таблетками пичкают да беседами душевными, – с видом знатока пояснил Петрухин. – Тревожность седуксенчиком или чем-то другим подобным сняли, и – хорош, до свидания. Будем рады видеть вас снова.

– В части снятия «магического шока» таблетки еще куда ни шло. Но ведь там до кучи и kleптомания?

– А kleптомания, друг мой, она – в принципе не лечится. Разве что вытесняется подобным.

– Это как?

– Мне Натаха из личной практики рассказывала, что обычно такого рода... хм... увлечения всего лишь замещаются. Не более того.

– ??!

– Допустим, вот бухал себе человек, а в какой-то момент подшился. Дабы восстановить внутренний душевный баланс, он находит для себя замену и заделывается, скажем, игроманом. Предположим, вскоре его опять излечили, на этот раз от игры. Он немного пострадал-пострадал, да и переквалифицировался в kleптомана. Словом, замкнутый круг пороков и страстей.

– Надо же? А я и не знал про такое, – явно заинтересовался Петрухинской лекцией Виктор Альбертович. – А «Натаха» – это кто?

– Да так, одна знакомая.

– Телефончиком поделишься?

– А тебе зачем?

– Хочу проконсультироваться. По одному вопросу.

– За личные «пороки» и «страсти»?

– А вот это – не твое дело, – посуровел Брюнет. – Короче, подгонишь?

– Подгоню. Только учти – ее услуги недешевы!

– Я постараюсь. Сдюжить, – огрызнулся Виктор Альбертович. – Да, и еще одно. Не знаю, насколько эта информация может оказаться полезной, тем не менее возьмите на заметку: после выписки госпожа Нарышкина обратилась за помощью к белому магу.

– Это который Серафим? – осведомился Купцов.

– Них...! А откуда вы?! Я ведь сам только сегодня узнал.

Инспектор Петрухин наградил босса снисходительно-самодовольным:

– Ты мы ж работаем, господин начальник. Это только ваши подчиненные считают, что мы плодовые деревья, знамо чем, околачиваем. Между прочим, мы даже знаем, кто именно надоумил мадам Нарышкину обратиться к этому кудеснику.

– И кто же?

– Некто Ольга Глинская.

– КТО-КТО? – странно неадекватно среагировал на озвученное имя Брюнет.

– Ольга Глинская. Ты чего, знаешь ее, что ли?

– Немного, – нехотя подтвердил Виктор Альбертович и поспешил сменить тему: – Так и что за фрукт этот Серафим?

– Позиционирует себя специалистом широчайшего профиля. Якобы волокёт и в тантре, и в фэншуйе, и в приворотах, и в наворотах, – объяснил Леонид. – В общем, толчет черта в ступе.

– И небезуспешно. Толчет, – подтвердил Петрухин. – Вся клиентура – сплошь випы. Запись – на месяцы вперед. При этом никакой рекламы, принимает исключительно по рекомендациям. Ценник, соответственно, запредельный.

– За ценник я в курсе. Когда старик Нарышкин мне цыфири озвучил, я инда не прослезился. Подумал: «Во люди работают! А я тут, блин, с какими-то трубами. В каждый бакс зубами вгрызаюсь». Ладно, бог с ним, с Серафимом, хрен ему между... Что намереваетесь предпринять дальше?

– Мы тут с Дмитрием Борисычем, пока тебя, Виктор, дожидались, малость покумекали и решили, что лучше оперативного эксперимента в подобной ситуации ничего не придумать.

– Какого еще эксперимента?

Тут в брюнетовскую дверь постучали, и в кабинет заглянула секретарша Алла.

– Виктор Альбертович, извините. В приемной Лобков. Очень просит принять.

– Я ведь предупредил, что мы заняты.

– Я ему так и сказала. А он говорит: «Срочное и важное».

«Хозяин Всея Магистралии», хотя и скорчил в ответ недовольную гримасу, но тем не менее поднялся из-за стола и со словами «обождите, мужики» вышел в приемную.

А там, в приемной, томился нервный менеджер отдела сбыта.

Нервно сминающий в ухоженной ладошке прозрачный файловый кармашек с нервно же отпечатанным десять минут назад документом.

– Что у тебя, Владислав Антонович? Только покороче.

– Вот. Докладная.

Лобков достал из полиэтилена бумагу, протянул боссу и застыл в выжидательной стойке/позиции.

– Ты же видишь, что я без очков! Что это?

– По вине сотрудника службы экономической безопасности Петрухина сорван контракт с нашими поставщиками из Ростова, – чеканно выдал отскакивающую от зубов фразу менеджер.

– Сумма контракта?

– В районе полутора миллионов. Рублей.

– Я понимаю, что не баксов... Хм, прелестно... Да, а какова могла стать персонально твоя откатная доля?

– Виктор Альбертович! Да как вы могли такое подумать! Да я! Да я никогда не был замечен!

Праведному возмущению Лобкова, казалось, не было предела.

– Ты, наверное, хотел сказать «был», но «не замечен»?.. Хорошо, я на досуге изучу. Сей тугамент. Слушай, а у тебя какая официальная зарплата в конторе?

– А причем здесь?.. – растерялся менеджер. – Ну, где-то примерно пятьдесят пять. Грязными.

– Знаешь, сколько берет за один сеанс белый маг Серафим?

– Какой Серафим? Извините, я не...

– Ладно, это я так. О своем, – отмахнулся Брюнет. – Всё, Владислав Антонович, свободен.

Виктор Альбертович возвратился в кабинет и максимально осторожно опустился в начальственное кресло. Прислушался к ощущениям, тяжело и шумно вздохнул.

– Что, опять спина? – посочувствовал Купцов.

– Она. Хрен ей между...

– А чего от тебя хотел Владислав Антонович? – как бы между прочим поинтересовался Дмитрий.

– Да так, ерунда.

– И все-таки?

– Донос на тебя, Борисыч, подтащил.

– Даже так? Шустрый мальчонка, далеко пойдет.

– «С почином вас, Глеб Егорыч», – выдал глумливое Леонид.

– Если ты думаешь, Леонид Николаич, что это первый – то глубоко заблуждаешься.

На тебя, к слову сказать, пишут не меньше.

– Оба на! А на меня-то за что?

– Был бы человек, а статья найдется, – расхохотался Петрухин. – Вот оно, бумерангом возвращающееся наше с тобой доблестное служивое прошлое. Как аукнулось, так и...

– Ладно, поржали и будя, – погасил смехострасти хозяин кабинета. – На чем мы остановились?

– На оперативном эксперименте.

– Ну, и что там у вас за эксперимент?

– Помнишь, Витя, финал «Собаки Баскервиль»? Когда сэра Генри ночью, после пьянки у Стэплтонов, заставили прогуляться по болотам?

– Допустим. И чего?

– Нам потребно, чтобы мадам Нарышкина еще раз скаталась за покупками в универсам «Всячина». Для чистоты эксперимента в гордом, разумеется, одиночестве. А мы это дело на свою камеру запишем, раз уж местные, эсбэшные, подвержены воздействию магических сил. А там – чем черт не шутит? Вдруг еще какая мистическая фигня приключится?

Виктор Альбертович задумался и озадаченно покачал головой:

– Даже не знаю, братцы... Нарышкина всяко может не согласиться. Ее ведь только-только в клинику в порядок привели. А тут – опять... А без Конан-Дойля никак нельзя обойтись?

– Нельзя, – убежденно сказал Петрухин. – Поэтому, давай, Витя, звони. Вот прямо сейчас. Только не мадам, разумеется, а Самому. Мужик он или кто? Пусть там... не знаю... пусть кулаком по столу стукнет, что ли? В конце концов, кому это нужно – ему или нам?

– Но если Станислав Аркадьевич предпочитает отныне спускать всю свою чиновничью зарплату на шестикрылого Серафима, тогда, конечно, можно обойтись и без спецэффектов, – смиренно dokonчил Купцов.

Брюнет снова шумно выдохнул, еще более шумно выругался и...

...и протянул руку за мобильным телефоном.

Санкт-Петербург, 26 октября, ср.

На проработку операции, на техническое оснащение «фердинанда», а самое главное – на уламывание мадам Нарышкиной в общей сложности ушло чуть больше суток.

Так что приступить к реализации оперативного эксперимента решаальщики смогли лишь утром среды.

К универсаму «Всячина» они подъехали загодя, с немалым временным запасом, дабы выбрать оптимальное место для ведения скрытой съемки. В итоге таковое сыскалось практически впритирку к невысокому заборчику, отделяющему VIP-парковку от площадки, на которой оставляли машины все прочие, то бишь «земные» посетители и покупатели.

За двадцать минут до озвученного Елене Ивановне времени появления Петрухин затулсил сигарету, достал из походной сумки термос и завернутые в фольгу бутерброды с котлетами. Последние выглядели непривычно аппетитно.

– Неужто магазинные? – невольно усомнился Купцов.

– Обижаешь! Натаха с утра нажарила. Самый свежак. Угощайся.

– Вот теперь я вижу, что быт у инспектора Петрухина неминуемо налаживается, – одобрительно отозвался Леонид, вгрызаясь в котлету.

– И, замечу, не только быт. Налаживается. А как там у тебя с Яной?

В ответ напарник натянул на лицо маску глубокой скорби и с максимальной тоской в голосе соврал:

– Ведутся затяжные позиционные бои.

– А ведь я тебя, дурака, наставлял: бери с наскока – пока в движениях ограничена! Знаешь, как в народе говорят? «Хорошо зафиксированная девушка в предварительных ласках не нуждается». А теперь, когда гипс сняли, все – тью-тью. Уехал паровоз до Кубы.

– Как был ты, Димыч, пошляком, так пошляком и остался. Невзирая на обустроенность быта, – заключил Купцов. Впрочем, сделал это вполне беззлобно. – Кстати, ты не в курсе: чего вдруг Брюнет столь нервно среагировал на имя «Ольга Глинская»?

Петрухин равнодушно пожал плечами:

– Понятия не имею. Может, у него когда с этой бабой было что? Потому как наш Брюнет по этой части – тот еще ходок. Был.

– Теперь, с его-то Алиной, особо не разгуляешься.

– Согласен. Баба-бой!.. Опять же, сдавать Витюша стал.

– Это ты про его спину?

– И про нее тоже. А вообще в последнее время частенько стал жаловаться на хронический недосып. Типа, бессонница и все такое прочее.

– Может, его тоже того? Спорттили? – предположил Купцов. – Может, и ему настала пора к белому магу Серафиму иттить?

– Не. В таком разе лучше мы его с нашей бабой Маргаритой сведем. А с нее срубим комиссионные.

Приятель дружно, до истерики расхохотались, а потому не сразу заметили, как на VIP-парковочку зарулила серебристая «Хонда».

– Стоп, Лёнька! Кажись, она?

– Она и есть.

Петрухин досадливо посмотрел на часы.

– Вот зараза, позавтракать не дала. На целых тринадцать минут раньше заявила. Давай, брателло, запускай шарманку.

– Уже! – подтвердил Купцов и потянул на себя рычажок зуммера, увеличивая размеры объекта. Который в образе и подобии госпожи Нарышкиной в данную секунду выбрался из машины, особо тщательно проверил «закрытость» багажника и с несчастным видом потащился к универсаму.

Где, согласно полученным накануне инструкциям, обязан был провести не менее двадцати минут. И, по возможности, провести честно. Сиречь, без проявления своих пагубных наклонностей.

* * *

- Базовая! Это зал. Седьмой на связи.
- Слушаю тебя, седьмой.
- У нас очередной визит «миссис Клювдии». Как поняли?
- Понял тебя, седьмой. Очередной визит. Продолжайте наблюдение...

* * *

- Чегой-то никакие злобные привидения из воздуха не материализуются? – разочарованно протянул Леонид после напряженного десятиминутного ожидания/всматривания.
- Агась. Так поневоле и сам уверуешь.
- Во что? Уверуешь?
- Намедни белый маг Серафим в течение получаса совершал некие ритуальные магические пассы над тачкой Ключевой, – пояснил Петрухин.
- Изгонял бесов из карбюратора?
- Типа того... Погодь! А вот этот озирающийся товарищ, случаем, не к нам подтягивается?

Со стороны служебного входа к стоянке быстрым шагом направлялся плотно сбитый мужик в фирменной универсамовской спецовке. В правой руке он нес непрозрачный полиэтиленовый, явно тяжелый пакет.

– Похоже на то, – согласился Леонид и протянул руку за фотоаппаратом. – Сейчас я его, до кучи, из фоторужья щелкну.

Мужик целенаправленно подошел к машине Нарышкиной и, опасливо озираясь по сторонам, принялся ковыряться в замке багажника.

- Есть контакт. Ключула рыбешка! Лёньк, ты снимаешь?
- Само собой.

Сноровисто справившись с замком, мужик достал из пакета не подающую признаков жизни черную кошку и пихнул животину в багажник.

После чего уже неспешно направился обратно – но не к служебному, а к центральному входу.

- Бли-ин! Черная кошка! Черт возьми, как романтично!
 - Не вижу никакой романтики. Гринписа на него нет.
 - Значит так, Купчина! Я выдвигаюсь за посланцем Ада. – Петрухин толкнул в бок дверцу микроавтобуса. – А ты давай-ка, сфотографируй эту животину во всех ракурсах, а потом убери ее оттуда на фиг. Не то Нарышкину по возвращении стопудово кондратий хватит.
 - Давай лучше ты – и сфотаешь, и ликвидируешь? А я послежу?
 - Хренушки! У тебя нет должного опыта оперативно-сыскной работы.
- С этими словами напарник выскочил из салона и припустил следом за мужиком.
- Угу, опыта у меня нет, – проворчал Купцов и непроизвольно поежился. – А ничего, что я покойников боюсь?..

* * *

Подхватив в качестве средства маскировки пустую корзинку, Петрухин заскочил в торговый зал, осмотрелся и «упал на хвост» живодеру. А тот, как ни в чем не бывало, продол-

жал движение в направлении сектора, где, согласно план-схеме, располагались служебные кабинеты и подсобные помещения.

Дойдя до поворота, за которым должен был начинаться уводящий в глубь здания коридор, Дмитрий притормозил и осторожно выглянул из-за угла.

И правильно сделал. Так как проход в коридор преграждал пост охраны, состоящий из стула и сидящего на нем человека в камуфляже.

– Я не понял, Колян? – вербально притормозил мужика охранник. – А разве ты сегодня не на развозке?

– На ней. Сейчас только до Игоря Алексеевича дойду, и обратно – за баранку.

– Сегодня футбол, не забыл?

– Само собой. Я уже и места в нашем баре забронировал. Так что подходи часикам к восьми.

– Замётано, – подтвердил Колян и двинулся дальше по коридору.

Избавившись от ненужной теперь корзинки, Петрухин выждал паузу и выкатился на финишную, хочется верить, прямую.

– Мужчина! Вы куда?

– Слышь, браток! Колян, он часом не сюда? Не к начальству пошел?

– Он у Игоря Алексеевича. А что?

– Да мы его обыскались. Этот придурок тачилу так поставил, что теперь ни туда – ни сюда. Ни въехать, не выехать.

– Это он может, – интонационно «зажег зеленый свет» охранник, и Дмитрий продолжил движение по коридору, по обе стороны которого располагались двери кабинетов. – Эй! Слышь! Ты промахнулся... Ага, сюда...

Сориентированный на местности Петрухин возвратился к указанной двери, без предварительного стука толкнул оную и по-хозяйски ввалился в помещение.

«О! А это я удачно зашел!»

Небольшая, примерно «четыре на два» комнатуха являла собой ни что иное, как кабинет начальника службы безопасности магазина Игоря Алексеевича Алымова.

Хозяин кабинета – физически крепкий, лет сорока пяти мужчина с легко угадываемой армейской выправкой – в данный момент сидел за своим столом и отсчитывал купюры из увесистой денежной пачки. За этим зело приятственным процессом подобострастно наблюдал стоящий перед Алымовым специалист по вскрытию замков и умерщвлению кошек Колян.

– Добрый всем денечек. Инспектор Петрухин беспокоит, из Общества по охране домашних животных. Извините, что помешал делить шкуру убиенной кошки.

Мужчины удивленно-синхронно подняли глаза на вошедшего и...

...и Алымову хватило какой-то пары секунд, чтобы понять: «Всё, расшибли, запирайтесь бесполезно».

В кабинете повисла нехорошая тишина. Под занавес которой Игорь Алексеевич севшим голосом попросил:

– Коля, выйди и подожди за дверью.

– Ну зачем же за дверью? – выказал сомнение Петрухин. – У нас здесь такая компания хорошая собралась. Кружок, можно сказать, по интересам. Я ведь тоже оккультными науками увлекаюсь.

– Коля! Выйди! – повысив голос, приказал начальник СБ.

Тоскливо бросив прощальный взгляд на недополученные деньги, подчиненный покинул кабинет.

– Вас, я так понимаю, нанял Нарышкин?

– Не совсем так. Но ход мыслей правильный, – подтвердил Дмитрий. – Вы позволите присесть?

– Да-да, конечно... Чай, кофе, виски?

– Просто водички, если можно?

– Можно и просто. Ну а я, с вашего позволения, вискарика дерну?

– Завидую завистью белого мага. Лично я на работе позволить себе не могу.

– После вашего визита, так думаю, работы у меня больше не будет, – невесело заключил Игорь Алексеевич и полез в металлический сейф, перепрофилированный под мини-барчик.

– Ну, зачем же так пессимистично? – искренне посочувствовал Дмитрий, отчего-то с ходу проникшийся симпатией к совершенно незнакомому человеку. – Кстати, «кукла» и «три карты» – тоже Колина работа?

– Работа – его, – помедлив, хмуро сказал Алымов. – Но идея – моя. Так что – мне и отвечать.

Глава третья

Санкт-Петербург, 28 октября, пт.

Поскольку в середине недели Виктору Альбертовичу пришлось срочно вылететь в Москву, его очередная встреча с решальщиками в рамках мистического дела о «трех картах» состоялась лишь днем пятницы. Причем состоялась не в директорском кабинете, а – так уж бизнес-географически совпало – в интерьерах ресторана «Альфонс». Сие заведение, принадлежащее старому знакомцу Брюнета, Петрухин с Купцовым активно использовали в качестве места проведения частных рабочих бесед с разными, условно говоря, «интересными» людьми. По коей причине за ними был негласно, в формате «по требованию», резервирован отдельный уютный вип-кабинетик. А так как кухня в «Альфонсе» была в высшей степени недурственной, а счета за выпитое-съеденное, как правило, оплачивал Брюнет, приятели пользовались любой возможностью посетить эти стены, дабы совместить приятное с полезным. Другое дело, что внезапно назначенная шефом сходка персонально для Леонида оказалась нынче совсем некстати. Потому как именно сегодня днем Яну выписывали из больницы, и Купцов, разумеется, собирался лично присутствовать при сём историческом событии.

– В общем, Игорь Алексеевич Алымов на поверку оказался отличным мужиком, – подвел черту Петрухин и почти любовно уставился на только-только поданный нежнейший стейк из мраморной говядины.

– Понятно, рука руку моет, – усмехнулся Виктор Альбертович. – Небось, из ваших? Бывший мент?

– А вот и нет. Он из армейских. Электронщик, без малого двадцать годков на РЛС под Мурманом отпахал. Одно слово – «командир». Потому и служба безопасности у него – будьте нате. В основном из таких же бывших. Потому и замки электронные прокусывают – на раз-два.

– Угу. Отличный мужик, – скептически подтвердил Купцов и беспокойно покосился на часы. – Интересно, а животину несчастную он как? Руками душил? Или из табельного завалил?

– Кошка была местная. В смысле, при универсаме столовалась. А накануне ее как раз трагически переехал погрузчик. Вот Алымов и решил: не пропадать же добру!

– То есть вариант с насыланием порчи посредством дохлой черной кошки в книге тоже имеется? – уточнил Леонид.

– Там вообще много чего. Имеется.

– Вы мне так и не объяснили, братцы, что за книга такая? – спросил Виктор Альбертович.

– Книженция занятная. Мне ее Алымов на память презентовал. – Петрухин достал из сумки увесистый том и переадресовал Брюнету. – На, полюбопытствуй.

Книга представляла собой нестандартных размеров фолиант – очевидный новодел, но при этом довольно искусно исполненный под старину. Название на обложке – в золоте и с «ятами» – гласило: «Белая и черная магии: привороты, ворожба и иные чародейства».

Заинтригованный Виктор Альбертович нацепил очки и с интересом взялся перелистывать страницы, задерживаясь преимущественно на картинках. В нескольких местах он откровенно фыркнул, а в конечном итоге просто заржал в полный голос.

Отсмеявшись, зачитал вслух:

– ...не переступайте выплеснутых перед вами помоев или брошенного под ноги мусора, особенно через клочья шерсти и пучки веток. Но если всё же переступили, произнесите: «Грязь ко мне не пристанет»... М-да, редкостная чушь.

– Чушь не чушь, но ведь сработало.

– Да ладно!

– Кабы мы не заставили господина чиновника в приказном порядке отправить супругу в универсам, ноги бы ее там больше не было.

– А теперь и не будет. Учитывая, что водитель Миша залечил свои зубья, – машинально вставил свой «пятак» начавший всё заметнее нервничать Купцов.

– Вы уверены?

– Стопудово, – подтвердил Дмитрий. – Я давеча переговорил с... хм... моим спецагентом: она... вернее, он уверяет, что в ближайшей перспективе у мадам Нарышкиной универсам «Всячина» на подсознательном уровне будет четко ассоциироваться с... э-э-э-э...

– С паранормальными явлениями? – подсказал Купцов и снова посмотрел на часы.

– Именно. Купчина, ты чего всё на часы пялишься? Ждешь кого? Или опаздываешь куда?

– Нет-нет. Все нормально. Хотя...

– Хотя что?

Немного помявшись, крайне щепитильный в вопросе «приоритета служебного над личным» Леонид все-таки решился озвучить за наболевшее:

– Мужики! Мне бы сейчас того... отъехать бы, а?

– Без проблем, – благосклонно отозвался на просьбу Брюнет. – А куда?

– Да так, в одно место.

– А место, я так понимаю, располагается близ Финляндского вокзала? – лукаво прищурился привычно «компетентный» Петрухин.

В ответ Купцов наградил напарника негодующим-испепеляющим.

– Хм... Судя по выразительной мимике, я угадал. Ладно, Витя, давай в самом деле отпустим инспектора? Пока он не взялся рвать и метать.

– Так я же сказал, что не возражаю. Надо, значит надо.

– Ключи отдай. От «фердинанда».

– Ну, начинается, – притворно вздохнул Петрухин. – А от квартиры, случайно, не требуется?

– Дима!

– Всё-всё – умолкаю, отдаю.

Обретший ключи Купцов торопливо распрощался и чуть ли не бегом покинул вип-кабинетик.

– Куда это он так понесся?

– Согласно моим оперативным данным, сегодня Яну Викторовну выписывают из клиники.

– Ну, слава богу! – искренне возрадовался Виктор Альбертович. – Конец моим страданиям!

– ...«и разочарованиям, и сразу наступает хорошая погода»⁷, – автоматически среагировал/продолжил Петрухин.

– Чего?

– Не обращай внимания. Это не я – это мое, в коротких штанишках, подсознание... Ну, и как тебе печатное издание? Втыкает?

Брюнет еще немного полистал «странную» книгу и возвратил Дмитрию с вопросом:

– А где ее Алымов вообще раздобыл? Смотрю: выходных данных нет, издательство не указано.

Петрухин бросил на босса удивленный и одновременно уважительный взгляд:

⁷ Здесь – цит. из м/ф «Винни-Пух и день забот».

– Витюша, а на тебе пользительно сказывается общение с двумя великими сыщиками.

– В смысле?

– Я говорю: в правильном направлении мыслишь. Книжица сия – товар штучный. Ручной работы, а потому цены немалой. Знаешь, сколько стоит? Полторы штуки баксов.

– Ох, ни хрена себе?! А главное – было бы за что? Подобного дерьма в Интернете – пруд пруди.

– Верно. Но тут ведь все дело в том, как подать. Матерьялец. Короче, история там нарисовалась следующая...

* * *

В начале третьего в просторном холле приемного покоя показалась Яна Викторовна Асеева. Сугубо внешне – вполне себе здоровая, кабы не лангета на колене да медицинская тросточка, на которую она, слегка прихрамывая, опиралась.

Первым «магистрального» юрисконсульта заметил Глеб и с визгом «Мама!» бросился навстречу. Следом подтянулись взволнованная Ольга Антоновна с букетом и Ирина Купцова без такового, но зато с предусмотрительно захваченной из дома дорожной сумкой. В которую, пока родные ахали/охали, принялась деловито укладывать многочисленные Асеевские пакеты с больничными вещами. Минут через пять, когда первые, связанные с возвращением блудной дочери в мирскую жизнь, страсти улеглись, Ольга Антоновна спохватилась и укоризненно спросила:

– Ирочка! А как же мы теперь? А машина-то? Вы говорили, что кто-то должен был подъехать? Ведь Яночке-то, с ее ногой...

– Должна быть. Вернее – должен, – озабоченно подтвердила Купцова-младшая. – Ума не приложу, где этого Лёнечку черти носят? Сейчас наберу.

– А кто такой Лёнечка?

– Коллега. По работе, – быстро и немного смущенно ответила Асеева.

– Очень близкий коллега, – внесла поправку Ирина, прислушиваясь к гудкам. – Вне доступа... Ну, я ему сегодня вечером устрою!.. Да вы не расстраивайтесь, Яна. Наверняка их с Петрухиным в последний момент Брюнет припахал.

– А я и не думала. Расстраиваться.

– Просто у вас такой вид.

– Какой?

– А кто такой Брюнет? А Петрухин? – снова втиснулась с уточняющими вопросами Ольга Антоновна.

– Еще парочка. Коллег, – раздраженно пояснила Асеева. – Да и черт с ними. Пойдемте к метро. Как-нибудь доковыляю.

– Никакого метро! – сказала как отрезала Ирина. – Ждем еще пять контрольных минут, и я вызываю такси!.. Нет! Никаких возражений! Контора опоздала – значит, контора и оплатит!

* * *

– ...далее – больше, – продолжал свой занимательный рассказ Петрухин. – Холодильник, кровать по фэншую переставили – это еще полбеды. Затем в ход пошли заготовки целебных трав. Как результат – вся квартира, за исключением ванны и сортира, оказалась в сушеных вениках. Потом она самолично размалевала потолок в спальне некими каблистическими пентаграммами. Ну, и там по мелочи – хрустальные шары, куриные лапки, заго-

воренные ладанки. Апофеозом стало заявление, что супружеский секс отныне они будут практиковать исключительно в астрологически выверенные дни.

– А вот это уже лютое мракобесие! – заключил Брюнет.

– Вот и Алымов так же посчитал. Тем более что на все эти магические телодвижения уходила львиная доля семейного бюджета. Короче, взял он супружницу за жабры (они же – горло), та и раскололась. Не сразу, конечно, а когда воздуху перестало хватать.

– Раскололась на предмет чего? Дури собственной?

– На предмет того, что по совету подружки третий месяц посещает сеансы преподобного мага Серафима. В целях укрепления семейного очага. С той же целью ею была приобретена сия редкая книжица. От автора и по цене автора-производителя.

– Что? И эта туда же? – удивлению Виктора Альбертовича не было предела. – М-да... Вокруг этого Серафима просто какой-то клуб первых жен соорудился.

– Очень емкое сравнение. Серафим качественно и со знанием дела разводит первых жен. А разводя – раздевает. Первых мужей. Причем те об этом, как правило, не догадываются, поскольку одним из условий посещения сеансов является полная тайна вкладов. Дескать, иначе магия не работает.

– Неплохо придумано, – оценил комбинацию Брюнет. – И что Алымов?

– Я ж тебе говорю – правильный мужик оказался. Наш человек, короче...

Флэш-бэк

Поздний вечер сентября.

Игорь Алексеевич Алымов поднимается на лестничную площадку, куда выходят двери сразу пяти квартир, и внимательно изучает предполагаемые сектора обзора дверных глазков.

Залепив жвачкой два из таковых, для пущей верности он выкручивает из плафона лампочку и лишь после этого звонит в интересующую квартиру.

– Кто там?

– Добрый вечер. Мне бы господина Серафима.

– А вы по какому вопросу?

– Да вот, жена задолжала вам деньги. За последний сеанс. Попросила завезти. Извините, что так поздно подъехал, – на работе задержали.

Дверь открывается, и на пороге возникает «господин Серафим». В своем обыденном домашнем наряде, с брюшком и залысинами, сейчас он скорее напоминает советской формации бухгалтера, нежели мага.

– А как зовут вашу супругу?

– Она сказала, что я должен доплатить четырнадцать тысяч, – игнорирует вопрос Алымов и раскрывает бумажник. – Темно тут у вас, ни фига не видно. Давайте спустимся на лестницу. – Игорь Алексеевич делает несколько шагов вниз, и Серафим невольно повторяет траекторию его движения. – Вот, здесь гораздо лучше. Пересчитайте, пожалуйста.

Серафим недоуменно протягивает руку за купюрами, и в этот момент Алымов неожиданно принимает ее на зало, рывком разворачивает грузное «магическое» тело и безжалостно впечатывает лицом в побелку и в кирпич стены.

– А-а!!! Что вы делаете?! Больно! Отпустите!

– Тише! Будешь орать – я тебе клешню оторву! Значит так, мистер-магистер! Завтра вызвонишь на внеплановый бесплатный сеанс

Алымову Оксану Олеговну. Скажешь, что цикл магических процедур успешно завершен. Засим холодильник и кровать должны вернуться на прежние места. Веники и прочее магическое барахло вынесены на помойку и ритуально сожжены, а пентаграммный потолок подвергнут побелке. Ясно?

– Ясно! Руку отпусти! Больно!

– Ничего, потерпишь. Далее: поздравишь ее с окончательной гармонизацией семейных отношений, тепло попрощаешься и навсегда забудешь имя и номер телефона. Я доступно излагаю?

– Доступно.

– А ежели после этого ты еще раз возникнешь в оптике моего перископа, я выкину тебя... – здесь Алымов развернул мага разбитым лицом в сторону межлестничного пролета, – в это окно. Посмотрим, какой из тебя «Серафим» и насколько классно ты владеешь искусством левитации. Вот теперь – всё.

Алымов за шиворот втаскивает «потерпевшего» на лестничную площадку, дает мощный пинок под зад, и маг стремительно «возвращается» в квартиру.

Игорь Алексеевич удовлетворенно прислушивается к раздавшемуся в прихожей грохоту и не спеша начинает спускаться вниз по лестнице. «Дело сделано, Билли!»

* * *

– Ай, молодца! – заливисто хохотал, утирая выступившие слезы, Брюнет. – Ну, спасибо, Борисыч! От души повеселил. А книжку эту Алымов, значит...?

– Да, изъязл у супруги в момент капитальной приборки. Полистал на досуге и решил применить на практике пару-тройку магических приемчиков, дабы отвадить kleптоманку Нарышкину от их магазина. Потому как ущерб от ее шоппинга универсам нес немалый, а связываться с супругой vip-чиновника – себе дороже.

– Логично.

– Более чем. Словом, «следствие закончено – забудьте». Так и можешь доложить Ста-сику Аркадьевичу. Вот только сперва надо подумать, как грамотно вывести из-под удара Алымова. Грех это, столь креативного российского офицера подставлять.

– Согласен, грех, – отсмеявшись, подтвердил Виктор Альбертович. И, неожиданно посерьезнев, добавил: – Хорошо, подумаем. И не только над этим.

– А над чем еще?

– Есть во всей этой идиотской истории один момент, который меня, признаться, тревожит.

– Что за момент? – недовольно напрягся Петрухин.

– В самое ближайшее время озвучу, но для начала нужно уточнить кое-какие детали. И как раз этим я, пожалуй, прямо сейчас и займусь. Так что ты тут, Борисыч, допивай-доедай в гордом одиночестве... – Виктор Альбертович поднялся из-за стола. – Да, и сегодня в кон-торе можешь не появляться. Я разрешаю.

– Ай, спасибо, благодетель! Я так понимаю, сей широкий жест с твоей стороны следует расценивать как награду за наше очередное талантливое раскрытие?

– Не ерничай! – посуровел Брюнет. – Будет вам – и награда, и белка со свистком. Всему свое время. А пока в качестве аванса можешь дополнительно схомячить порцию Леонида Николаевича.

– Думаешь, побрезгую? А вот ни фиги подобного, – принял «вызов» Дмитрий и пододвинул к себе купцовскую тарелку с его любимыми рыбными котлетами...

* * *

Помимо долгожданной выписки Яны Викторовны, нынешним вечером случилось еще одно событие из разряда судьбоносных: Леонид впервые удостоился приглашения в гости к Асеевым.

Все вышло достаточно спонтанно, без должной психологической подготовки, но тем не менее официальная часть мероприятия – сиречь, торжественный ужин, на котором присутствовали Ольга Антоновна и Глеб, в целом прошла вроде как удачно. Ну, а после ужина бабушка с внуком переместились в гостиную на просмотр очень кстати купленного Купцовым нового полнометражного мультлика. Устроив таким образом вожделенный для Леонида тет-а-тет с объектом воздыхания.

В кульминационный момент непросто складывающейся промеж двоих беседы на плите засвистел, захлюпал носом чайник. Реагируя на его призывы, Яна потянулась за своей тросточкой-«помогалочкой», однако Купцов решительно пресек ее попытку подняться:

– Сидите уж, госпожа хромоножка. Позвольте мне немного похозяичничать?

– Сделайте такое одолжение, – разрешила Асеева, у которой ближе к вечеру привычно разболелась нога. Снимая боль, Яна позволила себе непривычно «злоупотребить» и, как результат, довольно быстро захмелела. – Чашки в настенном шкафчике, ложки – в столе, правый ящик.

Леонид деловито занялся организацией чайной церемонии. Вот только подвисший в воздухе, оставшийся без ответа вопрос никак не выходил у него из головы.

– И все-таки, Яна... – осторожно переспросил он, возвращаясь к недовысказанному. – Может быть, скажешь – почему?

– Экий вы настырный, инспектор.

– У меня работа такая.

– У моего мужа когда-то была точно такая работа. Ты в курсе, чем это закончилось?

– Нет, – как можно равнодушнее сказал Купцов.

– Вот только не ври мне, Лёня! Ни за что не поверю, что за всё это время ты так и не удосужился изучить мою изнаночную и подноготную. В противном же случае – грош вам цена, господа инспекторы.

– Ну, я единственно знаю, что он, вроде как, работал у Брюнета. И что его... хм... убили?

– Да. Он работал на Брюнета и занимался примерно тем же, чем отныне занимаетесь вы с Петрухиным. Вот только времена тогда были – не чета нынешним. Тогда Виктор Альбертович еще только пытался зайти на вологодский заводик, коему впоследствии суждено будет стать базовым предприятием «Магистрали». И вот в один совсем не прекрасный день Брюнет отправил Севу на стрелку с местными архаровцами. – Голос Яны звучал сейчас отрешенно, бесстрастно. – Приказал оружия не брать, так как вопрос решался якобы самый заурядный. Вот только противоположную сторону об этом в известность почему-то не поставили... Лёня, будь любезен, закрой дверь поплотнее... Спасибо. И дай мне, пожалуйста, сигарету.

– Ты же не...

– Дай. Мне. Сигарету! И зажигалку.

Купцов покорно выложил на стол затребованное. Асеева неумело, слегка закашлявшись, прикурила, после чего продолжила невеселый рассказ.

Вернее – завершила оный:

– Так я осталась без мужа, вдобавок беременная. А еще через месяц – и без работы.

– А почему без работы?

– Когда наше УСБ узнало, что муж погиб в результате «бандитской разборки», меня вычистили из органов. Конечно, они не имели законного права так поступить. Поэтому просто создали вокруг меня такую «надлежащую» атмосферу, что я уволилась сама.

– Ты служила в милиции? – потрясенно переспросил Леонид.

– Господин инспектор! – сердито прикрикнула на него Асеева. – Я ведь, кажется, просила вас...

– Но я в самом деле не знал! Честное слово!

И это было чистой правдой. После того, как на днях Петрухин вправил напарнику мозги, Леонид отказался от бывшего намерения собрать «информационное досье» на любимую женщину.

– Да, служила. Вольнонаемной в юридической службе при ОВО, – горько подтвердила Яна. – В течение нескольких месяцев пыталась найти хоть какую-то работу, но с грудным ребенком никто брать не хотел. Отчаявшись, наплевала на гордость и принципы и обратилась за помощью к Брюнету, который предложил мне должность юрисконсульта. Наверное, я должна быть ему за это благодарна? – риторически спросила Асеева, изо всех сил стараясь говорить бодро. – Вот только я – НЕ БЛАГОДАРНА!.. Знаешь, порой я физически не могу переносить его присутствие. Мне кажется, он догадывается об этом, вот только вида не подает. Виктор Альбертыч у нас – о-о-очень деликатный мужчина, – последнюю фразу Асеева произнесла с плохо скрываемой злостью.

В замкнутом кухонном пространстве подвисла звенящая тишина вкупе с не находящими внешнего выхода клубами табачного дыма.

Леонид поднялся, распахнул форточку и, продолжая стоять к Асеевой спиной, негромко произнес:

– Теперь я понимаю... Почему...

– Да! Именно поэтому! – алко-нервно согласилась Яна. – При всем моем к тебе уважении, Лёня. Уважении и...

– И? – невольно напрягся Купцов.

– Хорошо, коли уж тебе так хочется польстить своему самолюбию, я dokonчу фразу: «Уважении и... Любви».

Среагировав на вырвавшееся откровение, хотя бы и сказанное в алкогольной запальчивости, Леонид обернулся и увидел, как напряглось, сделавшись непроницаемым, лицо любимой женщины.

– Ты не ослышался. Любви!

– Спасибо.

М-да... Более идиотскую реакцию трудно было даже вообразить.

– Вот только я не хочу входить в одну и ту же реку дважды. И не собираюсь снова строить свою жизнь с «шестеркой» Брюнета!

– А почему вот так вот сразу – и с «шестеркой»?

– А кто же ты, Лёничка, милый? Ты и твой драгоценный Петрухин? Кто вы, как не мальчики на побегушках у богатого папика с криминальным прошлым и мутным настоящим?!

Асееву буквально трясло. Глаза ее метались как бешеные, губы дрожали, силясь высказать всё то, что накопилось, но пока ещё сдерживаясь.

Леонид сделал было шаг навстречу, намереваясь прижать (успокоить, утешить, зацеловать) Яну к себе, но...

...Но в итоге лишь смущенно отвел глаза и теперь уже сам потянулся за спасительной сигаретой. Ему решительно нечего было возразить на убийственные, ранящие в самое сердце слова.

«Нечего» – так как, по сути, всё произнесенное Яной было, хотя и горькой, но – Правдой.

* * *

Буквально за час погода резко испортилась: небо одномоментно почернело, налетел сильнейший ветер, и вопреки утренним оптимистичным заверениям синоптиков ливень пошел стенами. Издыхающий, непривычно теплый для Питера октябрь продолжал блажить и выкидывать коленца.

По этой причине, вместо запланированной прогулки в Михайловский сад, встречу с Анастасией Глинской в экстренном порядке пришлось перенести на внутреннюю территорию просторного брюнетовского «Хаммера». Вышколенные шофер и телохранитель в данный момент безропотно продолжали пережидать приватный разговор босса, находясь в непосредственной близости «за бортом». Скуцковавшись под дамским зонтиком, любезно одолженным у госпожи Глинской, смотрелись они довольно комично...

– ...А вообще – как живешь, Настя?

– Знаешь, Виктор, как это говорится: «Живу хуже, чем все, но лучше, чем некоторые», – печально улыбнулась старая знакомая.

– В общих чертах понятно... Ты Федора когда последний раз видела?

– Недели три назад. Улучила момент, когда его молодуха на Кипре загорала.

– И как он? Я что-то в последнее время категорически не могу до него дозвониться, – пояснил Виктор Альбертович и, вздохнув, добавил: – Да и побаиваюсь, если честно.

– Да я и сама... Знаешь, Виктор, дело ведь не в том, что Федор меня бросил ради... ради этой...

– А в чем же?

– В том, что за последние полтора года он превратился в полную развалину.

– Думаешь, кабы остался с тобой, болезнь не стала бы столь быстро прогрессировать?

– Не знаю, – грустно покачала головой Анастасия Владимировна – сухошавая, миниатюрная женщина лет пятидесяти, со следами былой красоты на неулыбчивом усталом лице. – Просто у меня такое чувство, что, когда он сошелся с Ольгой, его... словно бы сглазили.

– Что-что? Как ты сказала?

– Сглазили.

– Зная тебя столько лет, уверен, что по крайней мере это всяко не твоих рук дело, – сделал неуклюжую попытку пошутить Брюнет.

Которого в свете последних событий упоминание очередного случая «сглаза» предсказуемо напрягло.

– Нет, не моих. Напротив, я до сих пор вспоминаю только самое хорошее: и про Федора, и про наши отношения... – По щекам Глинской непроизвольно потекли тоненькие струйки слез. – Все-таки почти двадцать пять лет вместе прожили. Жаль, не дал нам бог детей. Иначе – кто знает, как оно могло...

Виктор Альбертович дружески приобнял женщину за плечи:

– Перестань, Настя. Не надо.

– Да-да. Извини...

– Скажи, а когда примерно у Федора всё это дело началось?

– Месяцев через пять после того, как она... как она вселилась в наш дом. Но поначалу все еще было не столь критично: ну аппетит пропал, ну бессонница, болячки старые повывезали... В нашем возрасте это вполне естественно.

– Это точно. Я и сам в последнее время чувствую себя отвратительно. Особенно по утрам. И особенно в районе спины и, прости за такую интимную подробность, седалища.

– Но потом – все хуже и хуже. Когда я последний раз к нему приехала, просто не узнала: худющий, кожа желтая, глаза ввалились, самостоятельно даже сидеть не в состоянии, не то что подняться. Я ему говорю: «Федор! Как же так? А что врачи? Если наши ничего не могут поделать, может, тебя куда-нибудь в Европу свозить-показать?»

– А он?

– Отмахнулся. Мол, поздно уже показывать. Дескать, все едино – не жилец, так чего напрасно суетиться?

– Может, у него по деньгам сейчас сложно? – предположил Брюнет. – Я в курсе, что после кризиса у него бизнес ощутимо просел. Правда, до меня доходили слухи, что Федор контрольный пакет продавать вознамерился чуть ли не скандинавам каким-то. Ты случайно не в курсе за это?

– Нет, про его нынешний бизнес я ничего не знаю.

– В общем, предлагал я ему ссуду. Причем, на весьма приемлемых условиях. Но Федор наотрез отказался. Гордый.

– Да. Он – гордый... А вот она...

– ...а она – стерва конченная, – убежденно закончил Виктор Альбертович. – Слушай, Настя, а как ты в квартиру попала? Если Федор, как говоришь, уже не ходячий?

– Мне Лариса Васильевна открыла, домработница наша. Помнишь?

– Прекрасно помню, душевная была тетка. Погоди! Так Ольга что, не выгнала ее?

– А зачем? – печально отозвалась Глинская. – Где ты, Витя, сейчас найдешь такое золото? Да еще за такие смешные деньги. Это как в классической барской усадьбе: хозяева меняются, слуги остаются. Хотя... Что касается персонально Ларисы – она не слуга. Она – друг, преданный друг...

Санкт-Петербург, 29 октября, сб.

Когда лучшая подруга узнала, что Наталья ушла от Наровлянского, не прожив с ним и двух месяцев, то, компенсируя небогатый внутренний запас непечатных выражений, выразительно покрутила пальцем у виска. Когда же несколько дней назад выяснилось, что вдобавок Натаха еще и вернулась к своему бывшему мужику (он же – бывший опер), – почти всерьез озаботилась психическим здоровьем подруги. Ибо человек, а вернее будет сказать – женщина, находясь в уме здоровом, ни за что не поменяет солидное, обеспеченное, во всех отношениях положительное «шило» на грубое, пьющее, с позором вычищенное с полицейской службы «мыло».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.